

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ПСЫ ГОСПОДНИ

У КЛАДЕЗЯ БЕЗДНЫ

Бремя империи

Александр Афанасьев

У кладезя бездны. Псы господни

«ЭКСМО»

2013

Афанасьев А. Н.

У кладезя бездны. Псы господни / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2013 — (Бремя империи)

Улицы Древнего Рима – немые свидетели множества интриг и заговоров, но этот был особенным. Поиски исламского террориста Абубакара Тимура привели на итальянскую землю русского разведчика адмирала князя Воронцова, но список его врагов не исчерпывался одной лишь фамилией бывшего персидского генерала. Британский спецназовец лейтенант граф Сноудон, немецкий контрразведчик генерал Ирлмайер, масоны, наследники тамплиеров, монахи с выпирающими из-под сутан РПГ – все они преследовали собственные цели, не подозревая, что являются лишь марионетками в руках таинственного кукловода. Нити заговора тянулись в самое сердце Вечного города – в Ватикан, но заканчивались ли они там? И это был не единственный вопрос, мучивший князя Воронцова жарким летом 2014-го...

© Афанасьев А. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

13 июня 2014 года	6
13 июня 2014 года	17
13 июня 2014 года	31
14 июня 2014 года	35
16 июня 2014 года	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Афанасьев

У кладезя бездны. Псы господни

Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле...
Евангелие от Иоанна 5:19

Церковь, как и любая другая организация, нуждается в защите. Как и любая другая организация, она стремится к расширению своего влияния, своих интересов. И рано или поздно форма вступает в конфликт с содержанием и возникает вечный как мир, как человеческое общество вопрос: допустимо ли творить зло во имя добра.

13 июня 2014 года Рим, Римская республика

Первый раз, когда я прибыл в Рим, меня попытались убить, и только предупреждение добрых людей спасло меня от смерти. Тогда мне просто надо было кое-что узнать... я и не предполагал, насколько взрывоопасной может быть эта информация. Два года назад я был вынужден просто бежать из Рима, подобно испуганному выстрелами зайцу. Теперь настало время прояснить все до конца...

Первый раз, когда я прибыл в Рим, в аэропорту было грязно, неубранный мусор лежал в мешках у стен, гнил и отвратительно вонял. Не работали и кондиционеры, а служащие обслуживали пассажиров с прибывшего самолета в час по чайной ложке – итальянская забастовка, это когда люди работают, просто в два раза медленнее, чем обычно. Я слышал про то, что в Риме сейчас совсем другая власть, что король низложен и уступил место Переходному совету, составленному в основном из военных и крайне правых. Я ожидал того, что будет лучше, но ненамного... приход к власти правых всегда означает наведение порядка и обуздание совсем распоясавшего от безнаказанности и потакания населения. Но я даже и близко не мог себе представить, насколько Рим поменяется за эти два года...

Самолет теперь прибыл вовремя... шесть минут для Италии это не опоздание, это швейцарская точность. В аэропорту теперь было чисто, кондиционер радовал прохладой, очереди перед пунктами таможенного досмотра продвигались быстро. Карабинеры в серой форме, конечно, остались, теперь с ними были и собаки – видимо, против наркотиков или для чего-то еще.

– Добрый день, синьор, – поздоровалась со мной не лишенная привлекательности девица в форме финансовой гвардии. – Разрешите...

Я протянул свой дипломатический паспорт, украшенный золотым гербом и выписанный на мое настоящее имя. Она положила паспорт на сканер, отсканировала страницу с именем и фотографией.

– Можете идти, синьор. Желаю хорошо провести время в Италии.

Вот и все. Дипломатический паспорт на настоящее имя все-таки дает какие-то привилегии.

Такси перед зданием аэропорта так же стояли в беспорядке. Хоть в этом Италия сохранилась...

Дорога до Рима всегда была скоростной, после кольца мы попали в трафик, продвигающийся в час по чайной ложке. Водитель эмоционально, со скоростью сто пятьдесят слов в минуту, ругал правительство, идиотов за рулем, поминал Деву Марию вперемешку с ругательствами. Я не реагировал... на итальянцев нет смысла обижаться, они такие, какие есть. Трудно поверить, что здесь и находится главный центр нелегального финансирования всей ближневосточной террористической сети.

Но я полагал, что это так и есть.

В моем списке было шестнадцать фамилий, впечатанных на машинке, и две, дописанных от руки. Этого списка не было нигде, кроме той папки у Юлии. И моей головы.

1. Бадольо, Джованни.
2. Николетти, Массимо. Полковник карабинеров.
3. Алтуццо, Марко. ЕГА ди Сикурта.
4. Параваччини Джон.
5. Ди Джерони Стефан, депутат.
6. Джузеппе «Джо» Кандарелла, депутат.

7. Картъери Томасо.
8. Джеромино Марк – Реджи банка д’Италия.
9. Сантуццо Риккардо.
10. Цезарь Полетти, барон.
11. Да Пьетро Матео, граф.
12. Морпуги Карлос.
13. Кантино Джузеппе – Банка ди Ватикан.
14. Карло Альберто Далла Къеза, генерал карабинеров.
15. Алавьерде Алессандро, депутат, адвокат.
16. Бокко Серджио.
17. *Пьетро Антонио Салези ди Марентини, аббат.*
18. *Да Скалья, Алессандро Антонио, аббат, Банк Ватикана.*

Оба имени, которые были вписаны от руки, принадлежали людям из Ватикана, оба, священнослужители, а один из них еще и банкир. Из остальных – трое банкиры, один страховщик, двое офицеры карабинеров и один журналист. Это только те, чьи имена мне удалось установить быстро, про остальных данных в открытом доступе не было, надо было искать. Не надо быть семи пядей во лбу для того, чтобы понять – отец раскопал что-то, связанное с деньгами.

Последние имена были дописаны ручкой от руки. Это были имена тех, с кем встречался мой отец в Риме тридцать с лишним лет назад. И я не знал, что означают эти имена, хотя знал, кто эти люди, по крайней мере некоторые из них.

Часть имен засветилась в скандальном списке, известном как «Пропаганда-2». «Propaganda Due» – правильное название на итальянском. История эта сама по себе занимательна, так что, пока мы стоим в пробке на Римской кольцевой, я кое-что расскажу вам про «Пропаганду-2», причем несколько больше, чем попало в печать.

«Пропаганда-2» – одна из масонских лож, входящих в так называемые ложи «Великого Востока». Сами по себе масонские ложи являются подрывными организациями, во многих странах они запрещены, а в Российской империи членство в масонской ложе расценивается как акт предательства, предательства Родины и Престола. Правда, степень опасности масонских лож обычно преувеличивается. На самом деле это не более чем коррупционно-патронажная система, в которую вступают для того, чтобы получить поддержку в продвижении по службе – и продвинувшись, помогать уже остальным. У масонов нет ни единого жесткого руководства, ни централизованного планирования – доказательством этого служит количество «диких», никому не подчиняющихся лож, которое едва ли не превышает количество лож официальных. «Пропаганда-2», кстати, тоже вышла из-под контроля и превратилась в «дикую» ложу. Масоны становятся опасными в минуту неопределенности, в минуту слабости престола, как, например, в конце десятых – начале двадцатых годов прошлого века в России, когда масоны (конгломерат крупной буржуазии, депутатов думы и недобросовестных государственных служащих) решили, что Его Величество должен поделиться с ними властью, дать России конституцию и превратить ее в парламентскую монархию наподобие Англии или, прости господи, той же Италии. Есть такое понятие «то ли дурак, то ли враг» – эти люди подходили под него на сто процентов. Есть и еще одна поговорка в спецслужбах – «Дурак хуже предателя»...

Сама по себе ложа «Пропаганда» (тогда она еще назвалась «Масонская Пропаганда») образовалась в 1877 году в Турине. Турин был развитым городом северо-запада Италии, наподобие Милана, здесь развивалась промышленность, банковское дело, появилась мощная прослойка буржуазии. Как известно, экономическое влияние всегда стремится конвертироваться в политическую власть – поэтому итальянская буржуазия стала задумываться: а не сделать ли нам как во Франции. Тем более что правящий в Риме монарх испытывал понятное раздражение от претензий буржуазии на власть и предпочитал демонстративно опираться на менее

развитый аграрный юг¹, посылая туда деньги, которые оказывались в руках мафии. Основные же налогоплательщики, как и следовало ожидать, находились на севере страны, и политика монарха теплоты во взаимоотношения никак не добавляла. Ложа «Пропаганда» стала центром антиправительственной фронды. Это центр элитной фронды – ее контролирует крупная буржуазия, там присутствует часть аристократии, которая сумела отказаться от наследственных наделов и вписалась в экономику нового времени, там же присутствует и часть чиновничества, которой, к примеру, совсем не нравится, что король может отправить их в отставку, потому что так сегодня захотела его левая нога. Утрирую, конечно, но все же аксиомой является то, что любое чиновничество, как класс, обладающий властью, но остро чувствующий свое временничество, прежде всего стремится освободиться от любого контроля.

Возможно, «Пропаганде» и удалось бы подвинуть монарха годам к тридцатым – политика, когда деньги из индустриального севера отбирались и бессмысленно вкачивались в отсталый юг, пропадая, как вода в решете, – до добра бы точно не довела. Но пришел Муссолини. Этот человек не входил ни в какие околуправительственные, буржуазные и криминальные группировки, кем он был – скандальным журналистом, который умел говорить, много путешествовал и за время путешествий кое-что понял. У него не было никаких связей наверху – но он имел огромный отряд сторонников внизу, на улицах, готовых по его указанию бить, жечь и крушить. Масонство в Италии ему было не нужно точно так же, как и мафия – он чувствовал опасность от него и боролся с ним. Части масонов удалось бежать, часть попала в тюрьму, часть забыла про масонство, а сами ложи ушли в глубокое подполье или оказались временно закрыты, говоря языком самих масонов, – «усыплены».

После гибели Муссолини чиновничество в Италии сменилось почти полностью по сравнению с двадцатыми, в когорте промышленников и буржуа тоже было много лиц и имен. Но интересы остались все теми же, их можно было выразить простой фразой «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Пропаганда начинает возрождаться. В середине пятидесятых европейское масонство начинает реформу, теперь ложи должны быть пронумерованы для большего порядка. На состоявшейся неизвестно где и неизвестно когда жеребьевке итальянцы получают номер «два», теперь ложа получает современное название «Пропаганда-2».

Шестидесятые и семидесятые в Италии – это годы быстрого экономического подъема, фундамент которого был заложен Муссолини. Впервые Италия выходит на мировой рынок не как экспортер продовольствия и рабочей силы, а как экспортер промышленных товаров. Ее техника занимает весьма специфическую, но емкую нишу. Итальянцы небогаты, и поэтому их техника без лишних изысков, в отличие от германской – германские инженеры делают технику сложной и дорогой просто из любви к искусству. В Италии тепло, мягкий климат, и потому ее техника не рассчитана на экстремальные условия эксплуатации, как русская техника, но потому она и дешевле. Примером экономической экспансии итальянцев становится многопрофильный машиностроительный концерн ФИАТ Джанни Аньели. В отличие от ведущих индустриальных стран, он не стесняется открывать не сборочные, а полноценные заводы в странах третьего мира, оставляя за собой производство только очень сложных, высокотехнологичных узлов. Таким образом, заводы ФИАТ появляются в Аргентине, Бразилии, Мексике, Сомали, Триполитании, Южной Африке, у нас под Багдадом и под Константинополем, в Никарагуа... я назвал не всё. Италия начинает не военную, а полноценную экономическую экспансию в страны третьего мира. Ведущим сверхдержавам это не нравится, но у них нет времени заниматься этим. Идет война в Индокитае, по ее итогам решится судьба региона, а может, и всего мира. Российская империя готовится к тотальной войне с Японией за Дальний Восток и с Бри-

¹ В нашем мире монархия в Италии пала в 1946 году по итогам всенародного референдума. Кому интересно – найдите результаты референдума по областям. Голосование за сохранение монархии – от 30 процентов в промышленном Милане до 70 с лишним процентов в аграрной Калабрии и Сицилии. Этот раскол страны существует до сих пор.

танией на море. Американцы готовятся отстаивать свой континент и доктрину Монро силой. Так Италия за двадцать лет становится игроком мирового уровня совсем не там, где хотел Муссолини – в Латинской Америке. И наступает на хвост давнему специалисту по колонизации... угадайте, кому? Вот то-то же...

«Пропаганда-2» в этот момент охватывает почти весь правящий класс Италии. На какой-то момент оказываются охвачены ложей все (!!!) до единого руководители спецслужб, начальники Генерального и Морского генерального штабов, руководители первой пятерки банков Италии, ведущие газетчики и политики, часть прокуроров и судей. Фактически это парламентская монархия, введенная явочным порядком, аппарат, начавший жить собственной жизнью, жизнью Голема. И я не могу осуждать итальянцев за это. Дело в том, что монарх в Италии в то время был не слишком умным, не слишком заботливым, не слишком занятым делами страны... короче говоря, совсем не тем, какой требовался в период экспансии. А экспансия – чертовски увлекательное, доложу вам, дело. И чертовски приятно, когда твоя страна прибавляет в размерах. Потому и сложился такой вот «коллективный» разум, который двигал Италию вперед на протяжении двух десятков лет.

Потом кое-что произошло.

Что? А вот что. Уникальность ложи «П-2» была в том, что в нее принимали не только итальянцев. В раскрытых списках оказался адмирал Эмилио Массера, один из трех участников хунты, сложившейся по результатам военного переворота семьдесят шестого года в Аргентине, командующим ВМФ Аргентины, главной ударной силы переворота. Оказались в ложе «П-2» и некоторые другие латиноамериканские военные, либо уже пришедшие к власти в своей стране в результате переворота, либо собиравшиеся это сделать. Например, боливийцы... очень интересная страна, с давней и своеобразной историей, когда-то развитая ничуть не хуже любой европейской страны. Это заставляет меня говорить о том, что «П-2» выстраивала в интересах Италии экономическое, а возможно, и политическое объединение, включающее в себя Италию, ее колонии и страны Латинской Америки, в том числе крупную – Аргентину. Привлечь их Италия могла двумя вещами: помощью в развитии промышленности и нефтью. Нефтью Триполитании, где были огромные запасы нефти самого высокого класса. Нефть – кровь экономики, а триполитанская нефть – практически единственная надежда для Великобритании. САСШ дружит с Россией; нефтяная Россия, контролирующая нефть на Ближнем Востоке, на Каспии, в Баку и на Севере, считает Великобританию смертельным врагом. Нефть Азии нужна Японии, она хоть и союзница, но не поделится, нефть нужна ей самой. А нефтяные месторождения Северного моря хоть и были открыты, но в полную мощь не заработали, и еще было непонятно, много там нефти или совсем чуть-чуть. В этих условиях планы Италии развернуть нефть в сторону от Европы на трансатлантические поставки в Южную Америку ставили Великобританию на грань гибели.

Непонятно, какую роль в этой истории сыграла Священная Римская империя. Эту страну никак нельзя было назвать «травоядной», напротив, это был первоклассный хищник. Немцам нефть Триполитании была нужна не меньше, чем англичанам – их давно уже беспокоило, что у них на Россию нет никакого рычага давления в вопросах нефтяных контрактов, кроме военного. Нефть Триполитании на европейском рынке конкурировала с российской, и когда возникла угроза ее лишиться, немцы прикинули палец к носу и подумали: да, Россия без труда восполнит недостающий объем, но по каким ценам? К тому же итальянские товары конкурировали с немецкими в Африке, вызывая у немцев понятное раздражение. Но от того, чтобы утверждать, что Священная Римская империя вступила в союз, даже временный, с Британской империей, меня удерживают два обстоятельства. Первое – немцы сильны в военной, но не в геополитической и не в подрывной игре, они были слишком простаками для таких игр, со всей их РСХА и Третьим отделом Генштаба полковника Вальтера Николаи. Второе – немцы никогда ни при каких обстоятельствах не поддерживали коммунизм, не шли на компромисс с ком-

мунизмом, не терпели коммунизм. Так что претендент на роль палача новой Италии только один – Британская империя.

Начиная с семьдесят шестого (обратите внимание на совпадение с датой военного переворота в Аргентине) года в Италии начинается подъем коммунизма. Поднимает голову рабочее, профсоюзное движение... По-хорошему профсоюзных вожakov можно даже понять. У Италии нет столько нефти, сколько у России, экспансия стоит дорого, и чтобы иметь деньги на нее, надо отнимать эти деньги у рабочих, меньше платить им. Да, потом у рабочих будет работа, они будут делать промышленные товары для покоренных добром или мечом стран, но рабочие так далеко не заглядывают. Для справедливости надо сказать, что основной центр бунта был не на предприятиях Милана и Турина, а в студенческих городках по всей Италии! А это уже явный почерк Британской империи, возбуждение недовольства среди молодежи. Британия вообще идеально, лучше, чем кто-либо другой, умеет работать с молодежью, возбуждать в ней антигосударственные и антиправительственные настроения. Не задумывались, почему все негативные субкультуры идут с Британского архипелага? Панк, андеграунд, «Секс-Пистолз». Вот то-то же...

А в семьдесят восьмом умирают один за другим два папы, и на папском троне оказывается ставленник Австро-Венгерской империи, давней британской союзницы в Европе, архиепископ Кракова Кароль Войтыла. В критической ситуации он, к чьему мнению прислушаются все христиане Италии, не сделает ничего, не скажет ничего – и уже этого будет достаточно.

Все это приводит к правительственному кризису восьмидесятого, а потом – к взрыву и коммунистическому мятежу, охватившему всю страну и вынудившему короля бежать. Все это выгодно Британии, как никому. И вот тут свое веское слово говорит Священная Римская империя Германской Нации. В отличие от Британии, эта континентальная страна обладает мощнейшей армией – и она говорит свое слово. Начинается операция «Гладио» – операция по подавлению мятежа в Италии. С ложей «П-2» это если и не согласовано, то она явно не против. Никто из элиты, из буржуазии не хочет в своей стране коммунистического мятежа. При этом Священная Римская империя заявляет, что не претендует ни на итальянские колонии, ни на итальянские (sic!) интересы. Которые могут быть и на другом берегу Тихого океана.

Дальше происходит следующее: итальянский проект объединения с Латинской Америкой немцы всецело поддерживают – об этом говорит поспешно заключенный между Священной Римской империей и аргентинской хунтой договор о дружбе и сотрудничестве, появление германских представителей в Чили. То есть проект выходит на более высокий уровень, и теперь его обеспечивает не только Италия своим флотом, способным вызвать лишь усмешки (при том, что его совокупный тоннаж – половина от британского!), но и Священная Римская империя, мощнейшее в военном плане государство. Британия оказывается снова загнанной в угол.

Что происходит в эти критические времена с ложей «П-2»? Удивительные вещи! Масонство, как и коммунизм, – детища Британской империи, созданные для того, чтобы проецировать британское подрывное и разлагающее влияние на другие государства. Каждому свое, как говорят немцы; для аристократов – масонство, для рабочих – коммунизм, большевизм, троцкизм, анархизм, для молодежи – панк и андеграунд. Так вот, по-видимому, Британия через влияние в масонстве попыталась сначала остановить вышедшую из-под контроля ложу «П-2» (в которую входило все руководство Италии, только король не входил). В декабре семьдесят четвертого Великим Конвентом почти единогласно принимается решение об «усыплении» ложи «П-2». Личо Джелли, магистр ложи «П-2», не подчиняется ему, и ложа становится «дикой». В марте семьдесят пятого Личо Джелли раскрывает часть от известных ему финансовых махинаций «Великого Востока» и получает патент на возобновление деятельности в марте семьдесят пятого – через четыре месяца после «усыпления». Видимо, получение назад патента включало в себя некие тайные договоренности. Они были нарушены – патент снова отнимают в семьдесят шестом. После военного переворота в Аргентине, когда член «П-2» адмирал Массера ста-

новится фактически главой Аргентины! С этого времени и по восьмидесятый год ложа функционирует нелегально, но функционирует.

После того как Великобритания окончательно убеждается в том, что Священная Римская империя захватила Италию, чтобы силовым путем затормозить ее распад, вернуть государственность и продолжить латиноамериканский вектор экспансии, она наносит ответный удар.

В марте восемьдесят первого года неизвестный звонит в полицию и говорит, что в отдельно стоящем доме в Ареццо скрываются боевики. С такими делами обычно разбираются германские парашютисты, но на сей раз в дом вламывается полиция. Никаких боевиков она там не обнаруживает, но обнаруживает архив и список членов ложи «П-2» в девятьсот шестьдесят два человека. Более того – список неполный; судя по нумерации, в ложе состоит не менее одной тысячи шестисот человек. Отсутствующие карточки – не случайность, они позволят поддерживать истерию, психоз и охоту на ведьм еще долгое время. На итальянском политическом небосводе до середины девяностых годов была такая ситуация: стоило сказать про кого-то, что он мог быть в нераскрытом списке «П-2», – и репутация этого человека была серьезно подорвана.

Что произошло по факту? Впервые за все время существования масонства оказался раскрыт почти полный список членов ложи. Получилось так, что в нем оказалась вся дореволюционная элита страны. И по сути все. Никто не доказал, что члены «П-2» совместно совершили какое-то преступление. Но вот последствия...

Король был вынужден обратиться к Мори, уже занимавшему пост премьер-министра в основном потому, что другие кандидаты запятнали себя членством в «П-2». На «П-2» свалили множество преступлений, включая подозрительный теракт на вокзале в Болонье, больше похожий по почерку на дело рук анархистов, многие другие дела, банкротства банков и бегство капиталов за рубеж – как будто не было видно, что страна катится в коммунистическую пропасть, что в стране анархия и террор, что на улицах Рима – перестрелки между левацкими боевиками и германскими парашютистами. Список попадает во все информагентства мира и «оживляет тему» происходящего в Италии – теперь все с упоением обсуждают его.

Личо Джелли бежит в Аргентину. И точно в это же самое время аргентинская хунта принимает решение захватить Фолкленды – принадлежащий Британии, сильнейшей мировой державе, архипелаг островов. Это сейчас известно, что там нефть, а тогда там были только овцы. Иначе как глупостью желание страны с двумя авианосцами, достаточно старыми, помериться силами со страной с четырнадцатью авианосцами и субавианосцами² назвать сложно.

Что произошло дальше, вы, наверное, знаете. Аргентина потерпела поражение от Британии – Германия не смогла ей помочь. Сил не было, да и все понимали: мир стоит на пороге Второй мировой войны. Россия договорилась о поставке в Аргентину самых современных противокорабельных ракет, но внезапно был заключен мир, буквально когда транспортники с ракетами, замаскированные под обычные гражданские пассажирские самолеты, стояли на взлетной полосе. Личо Джелли вынужден был вернуться в Европу, а хунта в Аргентине потерпела крах, чтобы через шесть лет вернуться после мятежа карапинтадас, людей с зелеными лицами, аргентинского спецназа. В Швейцарии Джелли попал в тюрьму за махинации и в швейцарской же тюрьме скоропостижно скончался. Перед своей смертью Личо Джелли успел кому-то передать какие-то документы – неизвестно, кому.

Убили и многих из тех, кто был наиболее близок к Джелли. Разорилось несколько банков, в том числе банк «Амброзиано» – банк, входивший в Католическую федерацию (банки, которые ранее принадлежали Ватикану). Финансист Микеле Синдона, на которого замыкались многие ниточки, погиб в восемьдесят шестом. В тюрьме, выпив утренний кофе в присутствии двух карабинеров, он с криком «меня отравили!» упал замертво. Хотите знать, какой

² Авианосцы с истребителями вертикального взлета и посадки. В бою такой истребитель почти не имеет шанса против современного палубного ударного самолета.

вердикт вынесло итальянское правосудие? Самоубийство, замаскированное под убийство! И нарочно ведь такое не придумаешь... Хотя в такой стране, как Италия, и похлеще случаются... моменты. И в списке отца я насчитал шестерых, входивших в открытый список «П-2», то есть ровно треть. Это совпадением быть не могло.

Ну как? Не утомил я вас историческими экскурсами? Да... с возрастом становлюсь более словоохотливым, и иногда даже тянет написать мемуары. Или книгу какую-никакую. Историческую. Хотя понимаю, что мое понимание истории мало у кого вызовет положительные эмоции, а книгу вряд ли опубликуют.

Зато – вот и пробке конец, а кто слушал – молодец. Рим во всем его многотысячелетнем величии – перед нами.

Российское посольство располагалось на набережной Тибра, реки, которая видела римских легионеров и боевиков – фашистов Муссолини в черных рубашках. События восьмидесятых годов непоправимо изуродовали здание: российское посольство в Риме было одной из лакомых целей для атак левацких молодчиков. Здание, построенное в стиле модерн, теперь представляло собой этакий гибрид богатой виллы и армейского блокпоста, уродливый и страшный. Здесь стояли две машины карабинеров; не успел я выйти из такси, как у меня не только потребовали предъявить документы, но и обыскали. Дипломатический паспорт и титул произвели на итальянских карабинеров впечатление совсем небольшое – период феодальной раздробленности здесь закончился совсем недавно, им каждый второй аристократ проводит линию родства от короля, князя или великого герцога какого-нибудь государства, которое по меркам Российской империи не заслужило бы даже названия «район»...

Вооруженные автоматами и затянутые в бронежилеты морские пехотинцы отдали мне честь, и я прошел в так называемую консульскую зону – зону общего доступа, где решают вопросы посетителей, выдают паспорта с проштемпелеванными визами и делают тому подобные бюрократические экзерциции. Там меня встретил стажер отдела ноль дипмиссии. Как я узнал, что это стажер? По светящемуся в глазах желанию быть полезным. Хорошо быть таким...

На самом деле хорошо.

– Ваше высокопревосходительство князь Воронцов?

– Он самый. Говорите тише.

– Прошу следовать за мной, ваше высокопревосходительство.

Без запинки выговаривает. Я, например, не могу. Может, сытый голодного никогда не поймет... хотя по мне «сытость» моего титула довольно условна. Она означает лишь то, что когда всем остальным плевать на то, что происходит, я должен встать и шагнуть вперед.

Парнишка открыл неприметную дверь, и мы шагнули вперед. Там пришлось еще раз предъявить документы и кроме того – пройти через новомодный прибор, улавливающий пары оружейного масла и взрывчатых веществ. Я не клаустрофоб, но эта газовая камера у меня никаких добрых чувств не вызывает...

Потом мы поднялись наверх на лифте, на последний этаж. Резидентуры всегда находятся на последнем этаже – поближе к установленному на крыше любого посольства в мире морю антенн и, если армия страны пребывания пойдет на штурм посольства, больше времени, чтобы уничтожить документы. Хотя могут и вертолетный десант ведь высадить...

– Здесь.

– Благодарю.

В кабинете с минималистской обстановкой – среднего роста лысоватый мужчина отложил в сторону «*Corriere della sera*». Это называется «Мне на тебя плевать» на языке бюрократов. Открою вам маленький секрет – мне на местного резидента Отдела специальной документации МИД тоже плевать. Пусть только выдаст что положено.

– Господин князь Воронцов? – спросил меня этот человек

– Честь имею.

– Титулярный советник Пашенко. Извольте присесть.

– Я не рассчитываю на длительную беседу, господин титулярный советник.

– Извольте присесть, сударь, – с выражением бесконечного терпения в голосе повторил титулярный советник

Я подвинул себе стул и сел. Понятно... началась бюрократическая разборка, меня восприняли в качестве ревизора или контролера. Интересно, у него недостача тут большая? Думаю, средняя, не больше полумиллиона растратил.

– Насколько я понимаю, вы должны передать мне некий пакет, и мы на этом раскланяемся к обоюдному согласию.

– Да... ваш пакет ждет вас. Я просто хотел бы... познакомить вас с местной обстановкой.

– Я весь внимание.

– Обстановка здесь... сложная, ваше высокопревосходительство. Крайне неоднозначная, власть только что сменилась, взаимоотношения с властью предрержащими еще не налажены. Нужно проявлять особую осторожность... деликатность, я бы сказал. Не будет секретом – я крайне неодобрительно отношусь к тому, что вы называете «активными действиями». Если в странах второго мира это еще допустимо, то здесь, на территории европейского континента, любые такие... топорные действия приведут к крайне неблагоприятным последствиям и могут послужить поводом к принятию решения о массовом выдворении дипломатов. Это вы понимаете?

– Понимаю. Как и то, что при сдаче-приемке дел обязательно проведение ревизии. Давно делали?

– Что, простите?

– Да так, ничего. Что-то еще хотели сказать?

– Да. Я крайне надеюсь на то, что вы будете согласовывать свои действия с нами, особенно активные.

– Надежды дают нам силы жить. Я получу свой пакет?

– Да, да, конечно. – Резидент снял трубку внутреннего телефона: – Николай! Зайди ко мне, сейчас же...

Меня оставили в кабинете под присмотром этого молодого трудяги, желающего быть полезным, а третий секретарь посольства ненадолго вышел и вернулся с большим, опечатанным сургучом пакетом. Пакет был размером два метра на метр, очень большой для дипломатической почты пакет.

– Извольте получить.

Я проверил печати

– Необходимо расписаться?

– О, нет, нет. Таких инструкций не было.

– В таком случае еще два момента. Первый – я остаюсь в посольстве до конца рабочего дня. Второе – пусть кто-то вывезет меня в багажнике своей машины. Я не хочу светиться.

Третий секретарь скривился; то что он думает обо мне, было написано на его лице.

– Николай, займись гостем. Возьми ключ от восьмой. Не возражаете?

– Никак нет. Премного благодарен.

Третий секретарь кивнул.

Мы вышли в коридор. Николай провел меня в комнату, в которой были стол, два стула и большое зеркало. Понятно – для допросов, работы с перебежчиками.

– Как насчет соседней? – показал я на зеркало.

Николай мне открыл соседнюю комнату, после чего я обезвредил камеру с дистанционным управлением – просто выдернул шнур из разъема. Могла быть и вторая, но не думаю, что местные разведчики столь умны. Если бы были умными, по городу бы не разгуливал генерал Абубакар Тимур...

Вернувшись, я вскрыл пакет. Тяжело вздохнул и начал выкладывать на стол предметы шпионского ремесла. Костюм неприметный, средней цены, не прет-а-порте, заказанный и оплаченный в Риме. Водолазка, туфли отличные, с крепкой подошвой и не спадающие с ног. Пара париков – стародавний шпионский инструмент, один из париков точь-в-точь под мои волосы. Бумажник, кредитные карточки, водительские права. Международные, швейцарские, на имя Ханса Тисса. Швейцарцы говорят на трех языках: немецком, французском и итальянском и посылают в известном направлении всех, кто пытается каким-либо образом навести справки о гражданах Швейцарской конфедерации. Я в совершенстве говорю на немецком и французском и не посылаю тех, кого послать стоило бы. Тоже старость сказывается.

– Бритва есть? – спросил я Николая.

Он посмотрел на меня так, как будто эта бритва нужна была мне, чтобы кого-то зарезать.

– Электрическая или безопасная тоже подойдет, – добавил я.

– Да. – Николай выскочил за дверь.

Пока он искал бритву, я успел полностью переодеться и рассовать по карманам документы и деньги. Когда Николай вернулся, я как раз набивал патронами магазины двух пистолетов. Неприметные, анонимные и до одурения надежные «Глоки», модели 17 и 26, калибра 9 парабеллум, германский. К каждому имелся глушитель, короткий и легкий, титановый. Глушители я положил в кармашек – пока они мне не нужны. В карман рядом с удостоверением инспектора Интерпола. Если меня паче чаяния задержат на улице – это удостоверение поможет мне продержаться некоторое время. Я не считаю огнестрельное оружие первейшей принадлежностью шпиона, скорее придерживаюсь мнения, что разведчик проваливается в момент, когда достает оружие. Но в этом городе меня уже пытались убить, и не исключено, что попробуют еще раз. Не исключено и то, что мне представится возможность кое-кого убить – и ее я не упущу. Есть люди, которые просто должны быть мертвы. И все.

Оставалось последнее. Никогда не понимал этих веяний моды.

– Мечтаешь заняться оперативной работой? – спросил я Николая.

– Да... так точно.

– Будь осторожен. Мечты иногда сбываются.

С этими словами я включил бритву.

Ощущение было непривычным. Как-то никогда мне не приходило в голову совсем обрить голову. Хотя в амфибийных силах многие так делают – длинные волосы не соответствуют уставу, а короткие создают очень омерзительное ощущение, когда надеваешь гидрокостюм. Проще выбрить голову совсем, чем привыкать к нему. С выбритой головой – из аристократа средних лет я превратился в бандита средних лет. Или полицейского средних лет. Бритая голова ассоциируется с полицейскими после сериала «Комиссар Штокк»³.

Ощущение непривычное. Постоянно тянет провести рукой по голове, как будто убедиться, что волос и в самом деле нет. Это отвлекает, и это плохо...

Машина тронулась. Судя по едва заметному подрагиванию, под колесами мощенная камнем старинная мостовая Гибра. Это я в багажнике машины Николая жду момента, чтобы выпрыгнуть. По моим прикидкам, за нашим посольством серьезно следят, и иногда старые добрые методы семидесятых оказываются самыми действенными. Компьютер на десять порядков сложнее топора, однако топором можно разрушить компьютер, а топор компьютером – нет.

³ Германский многосериальный криминальный триллер. Шел шесть сезонов.

Это из моего курса лекций по теории и практике борьбы с исламским экстремизмом, законченного и сданного в Академию Морского генерального штаба в начале этого года. Иллюстрация чрезвычайной опасности недооценки исламского экстремизма.

Думаю, самое время спросить меня, какого черта я играю в эти шпионские игры конца семидесятых, с бритой головой, документами на чужое имя, багажником машины. Вопрос, конечно, будет своевременным и уместным. Ибо в последние тридцать лет ремесло разведки, на мой взгляд, изменилось на две трети. Сохранилась только ценность агентов, в то время как методы связи и управления агентурными сетями изменились в корне. Сейчас разведка состоит из двух частей. Первая – это классическое агентурное проникновение. Но если тридцать лет назад ради обеспечения работы агентурной сети приходилось держать в посольствах целые команды, с кураторами, обеспечивающими персоналом (и возможностями предательства), то сейчас связь с агентами на девяносто процентов переведена в Интернет. Отчеты о работе, задания пересылаются в виде файлов с электронными книгами, в виде сообщений на форумах, в виде изображений с зашифрованной в них информацией. Несмотря на гигантский скачок в технологиях дешифровки, я не уверен, что мы перехватываем и десять процентов нужной нам информации, как и британцы, – просто огромен сам вал информации, нужное приходится искать в триллионах писем и сообщений каждый день. Пропала необходимость в моменталках, подборе точек для встреч, устройстве тайников в парках, проездах на машине мимо посольства, чтобы сбросить информацию бесконтактным способом: теперь все, что нужно, – это зайти в интернет-клуб и оплатить час времени.

Вторая часть разведывательной работы – я называю это «быстрые операции», они практически заменили все остальное, кроме агентурной работы. Нелегалы, например, герои, активы, на внедрение которых тратились годы, превратились в реликт разведывательной работы. Быстрые операции – это разведка в реальном режиме времени, нон-стоп. Над интересующей нас территорией постоянно висят спутники и боевые дроны, проводится прослушивание телефонных переговоров, отслеживание финансовых транзакций в реальном режиме времени. Все это стекается в один координирующий центр, там сидят операторы, переводчики, аналитики, государственный контролер и обязательно – лицо, имеющее право принимать самостоятельные решения без согласований. Без последнего – все остальное не имеет смысла. Если становится понятно, что на одном из дисплеев нарисовался кто-то, похожий на генерала Абубакара Тимура, производится опознание, принимается решение – и термобарическая ракета с беспилотника отправляется в полет, или с ближайшей базы ВВС поднимается дежурная пара истребителей-бомбардировщиков, или в район направляется отряд спецназа. В последние три-пять лет эти операции позволили нам добиться того, чего наши деды добивались сорок лет, время жизни целого поколения. Мы научились отделять агнцев от козлиц и отправлять ракету в полет за пять минут, и за эти пять лет нам удалось кардинально подорвать людскую базу террора, выбить непримиримых, сделать возмездие неотвратимым. Получили свое муллы, проповедующие джихад и благословляющие террор, палачи, отрезавшие людям головы на площадях и детям руки на крыльце гимназии, наемники, убивающие невинных за деньги, и прочая мразь. Ни один боевик, ни один террорист нигде и никогда не чувствовал себя в безопасности – а это то, чего мы и хотели добиться.

Машина повернула на девяносто градусов, и тут же кто-то стукнул чем-то в перегородку, отделяющую салон от багажника. Это значило – как только машина притормозит, надо вытряхиваться. Принимая решение относительно того, как Николаю дать мне знать, что все чисто и можно сматываться, мы пришли к самому простому – он позаимствовал черенок у метлы дворника и им сейчас стучал. Самое простое – обычно и самое действенное...

Почему методами, которые я описал, нельзя действовать здесь, не разыгрывая идиотские интерлюдии на улицах Рима? По двум причинам.

Первая – работа, основанная на современных принципах, все же будет вестись, Юлия как раз и займется этим. Отслеживание переговоров, электронных писем, подозрительных банковских переводов. Может быть, с моим появлением кто-то захочет перепрятать свои денежки или заплатить ликвидаторам, чтобы меня убрали. Юлия это отследит и сообщит мне об этом. Возможно, удастся снова засечь генерала Абубакара Тимура – в этом случае работать по нему будут уже без меня. Я здесь с двумя целями, первая – это мутить воду, создавать впечатление, что мы что-то знаем, вызывать желание предпринять против меня меры.

Вторая причина – здесь есть сеть, неподконтрольная нашей разведке, неподконтрольная ни одной разведке мира. Возможно, она знает про Ватикан и его темные делишки намного больше, чем любая разведка мира. Ни с кем, кроме меня, они на контакт не пойдут. Возможно, не пойдут и со мной, но с другими не пойдут точно, без вариантов. Они делали свою тихую работу десятилетиями, возможно, даже столетиями – чтобы просто так подставиться...

Машина притормозила. Мой выход, господа...

Я просто открыл крышку багажника и вылез, захлопнул ее и пошел дальше. Улица была малолюдной, с обеих сторон стояли машины, какая-то парочка, милованная в углу, вытаращила глаза на меня. Я просто помахал им рукой и скрылся в подворотне. В таком случае, как этот, ведите себя, как будто все нормально, ничего необычного не происходит – и все будет хорошо...

13 июня 2014 года

Рим

Полет был короткий, европейцы назвали такие полеты «прыжками». В Германии – между Берлином, столицей империи и Франкфургом-на-Майне, деловой столицей Европы, каждые полчаса ходит межконтинентальный «Юнкерс-600», в котором салон переделан только на один класс, экономический. Продолжительность полета меньше часа; взлет – и не успел насладиться полетом, сразу же посадка. Тут – почти то же самое, только в качестве «электрички» выступает старый «Боинг-747».

Вернувшись из Милана в Рим, от детективов Крис узнала, что объект посещал одно место, от посещения которого в его возрасте и при его положении следовало бы воздержаться. Это было некое старое палаццо, стоящее на самом берегу Тибра. Это место нельзя было назвать борделем, скорее это было местом, где процветало сводничество. Обучение ныне стоит дорого, поэтому юные нимфы и молодые отроки зарабатывают на жизнь в таком дорогом городе, как Рим, и на образование самыми разными способами. Люди, которые держали это место, брали с клиентов плату за вход, но с молодыми людьми и девушками, которые там бывали, приходилось договариваться самостоятельно и не всегда за деньги. В конце концов, покровительство – это не совсем проституция, а там бывали, к примеру, кинорежиссеры, продюсеры, стилисты и влиятельные люди из мира моды... так что договориться можно было о многом. В этот своего рода клуб принимали, как и в британские клубы, решением собрания участников, вступительный взнос составлял пятьсот тысяч лир. Еще – владельцы сего места жили за счет того, что здесь всегда можно было раздобыть запрещенный абсент, легкие наркотики и таблетки без рецепта, на которых сидели очень и очень многие в римском высшем свете. Тяжелыми наркотиками здесь не торговали, потому что здесь была не подворотня.

Снять, с кем именно вышел барон Карло Полетти, оба раза не удалось, но сам факт посещения этого заведения был скандалом. Обычной грязью, которую и разыскивают журналисты-инвестигейторы. Вот только Крис этого было мало. Потому что она нацелилась на куда более крупную добычу и не разменивалась по мелочам...

Зачем она пошла вечером следить за этим местом на берегах Тибра, местом сексуального раскрепощения сильных мира сего, она и сама не поняла. Может быть, хотела сделать несколько снимков – для журналиста никогда не бывают лишними снимки сильных мира сего, входящих в сомнительное место... даже если эти журналисты не папарацци. Возможно, просто из-за какого-то болезненного, нездорового любопытства... Она читала про бордели, про женщин, там находящихся, совершенно опустившихся в моральном смысле... но она и представить себе не могла, как может девушка, студентка, обучающаяся в университете, собирающаяся потом пойти на серьезную работу, по вечерам подрабатывать в таком вот мерзком месте, продавая свое тело. Еще сложнее было представить себе в такой роли молодого человека... Крис была англичанкой, в Англии содомия в порядке вещей, но, как и все нормальные люди, она испытывала к содомии инстинктивное отвращение. Журналисты-инвестигейторы способны работать по нескольким направлениям одновременно, пусть у нее конкретная цель Карло Полетти, репортаж о проституции на берегах Тибра тоже лишним не будет. В журналистской среде остросоциальные репортажи, поднимающие неприятные и болезненные темы, ценились не меньше, чем журналистские расследования. Если ей удастся потом опознать посетителей этого места и тех, кто там работает, кого-то разговорить, сопроводить все это приличным видеорядом – любой хороший журнал с радостью примет написанную статью или серию статей.

Возможно, там она увидит и Полетти...

Патруль САС, прикрывавший Крис, прибыл в Рим автомобилями, один из сасовцев, опасаясь неладного, сел в тот же самолет, что и журналистка. Ее побег в аэропорту Рима – они просто не успели взять ее под контроль, как она улетела неизвестно куда, и неизвестно как снова оказалась в Риме – насторожил их, и теперь они контролировали ее достаточно плотно. Крис сняла комнату в пансионе – они сняли комнату напротив и установили следящую аппаратуру. Скучать не приходилось – журналистка была довольно неугомонной.

Сейчас у следящей аппаратуры был Рик, а командир патруля САС, лейтенант Алан Сноудон, сидел перед своим планшетником и просматривал кадр за кадром то, что они успели снять в Милане. Сейчас записывающая аппаратура была доступна как никогда, в каждом мобильном телефоне была высококачественная цифровая камера, а современную видеокамеру можно было положить в карман. Потому каждый офицер САС имел при себе аппаратуру и снимал все, что показалось ему необычным или подозрительным, – а камера работала все время. Он чувствовал опасность... почувствовал ее еще в Милане, сам не понимая почему, но почувствовал. Те цыгане... он ни на секунду не верил, что они появились случайно. Вопрос только в том, кто их послал. Обычно цыгане в таких делах не участвовали, они были практически неуправляемы, могли взять деньги и ничего не сделать... те еще гаврики. Ни одно серьезное агентство не стало бы привлекать цыган для выполнения грязной работы. А в том, что им противостоят не преступники, а профессионалы, граф был уверен, иначе они давно бы их «срисовали». Против них играл кто-то очень серьезный...

Еще эти проклятые убийства. Все как на иголках...

– Ал! – резко сказал Рик. – Движение!

Граф остановил просмотр.

– Господи... только не это. У нее шило в заднице, что ли...

– Сэр!

– Пойдут я, Том и Рик – «жучок» показывал, что цель движется. Джо, останешься здесь, на телефоне. Птичка вот-вот сорвется с гнезда, может быть, кто-то захочет навестить гнездо в ее отсутствие. Все понятно?

– Так точно.

Алан и Рик, бывший лондонский футбольный болельщик, пошедший в армию, чтобы не попасть в тюрьму – наскоро переоделись. Было жарко, но они были вынуждены носить что-то вроде ветровок – худи с капюшоном, чтобы скрыть аппаратуру и, возможно, оружие. В этом облачении они были похожи на мстителей из какого-нибудь комитета бдительности. Сейчас Рик накинул на себя эту дрянь, а Алан облачился в жаркую мотоциклетную кожаную куртку. Том уже был одет, как обычный итальянец, – крикливо и безвкусно. Оружия у Алана не было совсем, а у Рика и Тома – в тайнике, в машине; чтобы добраться до тайника, нужно как минимум две минуты. Проклятые убийства спутали всем все карты, мать их так...

По пожарной лестнице – ключ от этой двери они раздобыли еще в первый день – они ссыпались вниз. Рик и Том сели в их «Альфу-159», а Алан оседлал свой мотоцикл. Это был действительно его мотоцикл, он так и въехал на нем в страну, проехав через всю Европу. Это был «Триумф Коммандо 1200 ТТ» – настоящий зверь с гоночным мотором, почти такие же участвуют в смертельно опасной «Турист Трофи» на острове Мэн. Алан отлично справлялся с этой штукой – в гонках на острове Мэн он участвовал четырежды, и несмотря на то, что ничего не выиграл, а один раз чуть не свернул себе шею, этот факт давал ему право считаться профессиональным гонщиком.

Рик и Том на «Альфe» выехали первыми. Алан стал ждать... Его мотоцикл был как минимум вдвое быстрее любого автомобиля даже в относительно свободном ночном Риме. Рик будет вести его по радио... Его ревущего монстра из-за звука мотора трудно не заметить.

Надо было бы взять скутер. Типичную итальянскую «Осу». Каких на улицах полно, и никто не обращает на них внимания. Но граф Сноудон перестал бы себя уважать, если бы оседлал эту слабосильную мерзость...

У Крис был маленький «Фиат» – она взяла напрокат именно его, потому что он напоминал ей и по повадкам, и по габаритам ее «Мини», который был у нее в Лондоне, – не надо привыкать. Она переделалась в неприметную одежду и взяла с собой пять дополнительных флеш-карт, а также ночную приставку, которая могла использоваться и для фотокамеры, и для видеокамеры. Еще у нее было полупрофессиональное подслушивающее устройство, представлявшее собой что-то вроде направленной телеантенны с ручкой, небольшую коробочку преобразователя и наушники. То, что десять лет назад было доступно лишь профессионалам разведок, сейчас можно запросто выписать по Интернету любому гражданскому. Проблема в том, что, обзаведясь подобными штуками, гражданские начинают лезть в такую мясорубку, в которую побиотся лезть даже профессионал. Помните про человека, который не знает, что такое акула?

Искомое здание на Тибре она нашла довольно быстро, помогли фотографии этого места, любезно предоставленные ей детективами. Уже стемнело, над городом висела луна, и сам город, город на холмах с пятитысячелетней историей, не спал, на улицах горело освещение, и он как будто бы подсвечивался снизу. Небо было не черное, а какое-то... полосами, что ли, где антрацитно-черные участки чередовались с участками более светлыми, особенно на горизонте. Совершенно потрясающее зрелище...

Крис проверила аппаратуру, подтянула к себе поближе термос с кофе, который любезная владелица пансиона наполнила для нее. Она и не подозревала, что ступила на путь, ведущий прямиком к смерти...

Машина появилась довольно быстро, примерно через час после того, как она заняла позицию. Когда ее фары осветили набережную, Крис съехала вниз по сиденью, таким образом спрятавшись, чтобы не привлекать внимания. Машина прокатилась мимо, величественно и почти бесшумно, как призрак.

Выглянув, она не смогла сдержаться и удивленно присвистнула.

Такую машину она никак не могла ожидать на улицах Рима. Это был «Даймлер DS-420», редчайший пример выпускаемого серийно лимузина, не уступающий по престижу таким континентальным маркам, как «Даймлер-Бенц-Пульман», «Майбах», «Хорьх», «Руссо-Балт». Вещь в себе, выпускаемая на удлиненной базе «десятого» SS, часто бронированная – на такой машине ездит Ее Величество, королева! Точнее, теперь уже Его Величество, король, но какая разница? «Даймлер» был маркой в себе, ее мало кто знал в Европе, «Даймлер» у людей ассоциировался с германской маркой «Даймлер-Бенц», выпускавшей полтора миллиона машин в год. В отличие от немцев британским мастерам никак не удавалось добиться высокого качества сборки машины, двигатель пожирал много топлива, и машину требовалось постоянно ремонтировать. Тем не менее эту машину предпочли кроме британского двора еще и шведский, а также Великий Герцог Люксембурга. В Британии нередко говаривали: аристократы ездят на «Даймлере», нувориши – на «Роллс-Ройсе» и «Бентли». В Риме такая машина представляла собой пример непрактичности, богатые люди здесь ездили либо на бронированной «Ланчия-Тема», либо выбирали роскошный и в то же время не слишком большой по габаритам «Майбах-53». На «Даймлере» же, тем более серии DS-420, по Риму просто невозможно было бы передвигаться днем.

Однако кто-то передвигался на нем по Риму ночью.

Она успела сделать несколько снимков с использованием прибора ночного видения, когда массивный, как бегемот, неповоротливый автомобиль заезжал во двор старого дома на берегу Тибра – здесь, как и во всех итальянских домах старой постройки, имелся внутренний дворик.

Не успела она понять, что происходит, как автомашина стала выезжать снова на дорогу, разворачиваясь в противоположную от нее сторону.

Кого-то забрали...

Крис, как и ту кошку, сгубило любопытство. Увидев удаляющиеся красные огни, она включила мотор и последовала за отходящей машиной. Ее не покидала мысль, что это все неспроста, и она твердо намерена была разузнать, что к чему. Каир ее, увы, ничему не научил.

Сбавив обороты до минимума, – на высоких его мотоцикл завывал, словно грешник в аду, – граф подкатил к черной «Альфа-Ромео», стоящей неподвижно многим дальше по улице от того места, где стоял автомобиль журналистки.

– Что? – спросил граф, удерживая мотоцикл, как жеребца, сильными ногами.

– Она куда-то сорвалась и поехала...

Граф выругался:

– Черти ее носят, на ночь глядя...

– И еще... – предупредил его Рик. – Я кое-что видел подозрительное.

– Что именно?

– Тачку. Каких здесь быть не должно. «Даймлер», четыреста двадцатая серия, как в королевском кортеже. Я и не думал, что в Риме такие есть.

– А когда он проехал?

– Да вот недавно.

Графу это не понравилось. Все как в дурном детективе – а чутье буквально кричит о том, что дело дрянь. Он достал планшетник, переключил в GPS-режим – точка на экране была, и она двигалась...

– Поехали.

Из Рима они выбрались достаточно быстро, направились на юг – как раз параллельно той дороге, по которой шли миланские поезда, это четвертое национальное шоссе. «Даймлер» прибавил, теперь он шел под сотню – и точно так же была вынуждена прибавить Крис. В слоноподобном лимузине скорость чувствовалась совсем не так, как в маленькой букашке «Фиат», и ей пришлось постоянно подруливать, чтобы держать машину на полосе. Ее не заметили – или тем, кто ехал в этой машине, было наплевать. Фар Крис не включала – светила луна и все было отлично видно.

Потом «Даймлер» свернул – громадная машина не могла резко маневрировать, и Крис смогла подготовиться к маневру и тоже выполнить его чисто. Они свернули на какую-то дорогу, почти лесную, мощенную камнем, и поехали по ней. Деревья обступали дорогу с обеих сторон.

Этот человек был ростом почти под два метра, но когда было нужно, он мог красться, как тень, совершенно бесшумно. Только потеряешь бдительность – и вот он у тебя за спиной. В Персии враги его прозвали Змеей – существом, шаги которого не слышны. Исламской шурой он был приговорен к смерти, причем смерти мучительной – на Востоке всегда разделяли обычную смерть и смерть мучительную. Приговор действовал до сих пор.

В Италии он жил уже несколько лет, за это время он выучил язык и научился существовать в чужих городах, уходить из-под ударов и наносить свои, внезапно, жестоко и эффективно. Здесь у него не было клички, но зато было имя. Его звали брат Витторио, когда вокруг были чужие, и послушник Виктор – когда только свои.

Произошедшие в последнее время убийства сказались и на его деятельности – усиление мер безопасности сказалось на всех. Он вынужден был сменить свою «Ланчию Интеграле» на небольшой фургончик «Фиат» и надеть спецовку. Теперь он был сантехником, специалистом по ремонту водопровода и канализации. Его машина была полна обшарпанными железными

ящиками, грязным тряпьем, спецовками, которые были такими грязными, что их можно было ставить в угол, витыми канатами, которые использовались для пробивания засоров в трубах. Все это было ржавым, грязным, мерзко пахло. Он послушно останавливался, когда полицейские приказывали сделать это, открывал дверцу фургона, полицейские воротили от всего этого нос, наскоро проверяли документы и приказывали ему убираться с глаз долой. Что он и делал. На его большой рост и великолепную физическую форму никто не обращал внимания, они успешно маскировались грязным комбинезоном...

В отличие от Крис и британской разведки он прекрасно знал, что произойдет в этот день, знал и был к этому готов. Пока у него не было приказа убить этих людей... Хотя нет, людьми этих существ считать было нельзя, но он на всякий случай решил разведать обстановку и понять, как он будет действовать, когда приказ поступит. Учитывая то, сколько... существ было в этой ячейке, он, вероятно, будет использовать напалм. Самодельный напалм. Сам по себе напалм – это всего лишь бензин с загустителями, примерно такими же, какие используют в производстве шампуней. Изготавливать самодельный напалм его учил отец, долго служивший на Востоке и хлебнувший там лиха. Он знал, где эти загустители можно купить, а канистры у него уже были. Две старые и грязные армейские канистры по двадцать литров каждая. Когда поступит приказ, он разместит эти канистры на оба входа и взорвет их одновременно, чтобы все эти существа не смогли выбраться и сгорели дотла.

За время своей службы в армии – а ему довелось хлебнуть лиха во время крайнего польского рокоша и потом в Персии – он лично убил тридцать семь человек. Тех, кого он убил, будучи послушником, он не считал, потому что это были не люди. Это были существа, маскирующиеся под людей. Они ходили как люди, выглядели как люди, говорили как люди, но это были не люди, потому что они впустили в свои души черное зло. Одержимые дьяволом, они щедро сеяли зло вокруг себя – и кто-то должен был останавливать их, чтобы не наступил Час и не свершился Суд. Суд, который, по пророчествам, свершится здесь, на руинах Великого города...

Он прибыл на место, когда еще не стемнело и последние лучи солнца цеплялись за роскошные кроны деревьев в некогда регулярном, а теперь бессистемно разросшемся замковом парке. Завтра ожидался дождь – солнце садилось в облака, его лучи были красными, как кровь...

Он замаскировал машину и перебрался назад. На нем был грязный и вонючий комбинезон, он сбросил его и надел точно такой же, но чистый. Комбинезон был однотонным, темно-синего цвета, из износостойкой, водонепроницаемой, негорящей и не шуршащей при ходьбе ткани, он сам выбирал его в магазине рабочей одежды, и он его вполне устраивал. Ботинки на нем были куплены там же, они были почти как армейские – с высоким берцем, стальной вставкой в подошве, развитым протектором, подошва была маслостойкой и негорящей. На руки он надел рабочие перчатки, лицо выкрасил специальным составом, какой использовали сталевары для того, чтобы находиться рядом с горячей печью, не обжигая лица. Пользоваться рабочими магазинами для покупки снаряжения его научил настоятель монастыря, в котором он служил Господу нашему, аббат Марк. Рабочая одежда и рабочее снаряжение часто еще прочнее армейского, стоит дешево и не привлекает к себе особого внимания. Никто не обращает внимания на человека, делающего свою работу...

Покончив с переодеванием, человек открыл рабочий чемоданчик с инструментом и принялся за работу. Усиление бдительности в связи с последними убийствами в стране, появление постов армии, карабинеров и финансовой гвардии, проверяющих всех подряд, заставили его проявить осторожность и больше не возить с собой боевое оружие, как он делал это раньше. Даже документы прикрытия могли не сработать: когда все настороже и ждут беды, никакие меры предосторожности не бывают лишними. Теперь он возил с собой только разборную винтовку, которая в полностью разобранном состоянии маскировалась под различные предметы и

части инструмента. Для того чтобы определить, что это именно винтовка, нужна была специальная экспертиза, даже самый тщательный обыск в машине не помог бы.

Сегодня он не собирался никого убивать. Но винтовку решил взять – на всякий случай.

Прежде всего он развинтил лопату. Само полотно лопаты он отбросил в сторону, черенок для лопаты оказался тщательно выделанным стволом с затвором; для того чтобы зарядить винтовку, затвор нужно было вынуть, вложить туда патрон и снова закрыть его. У дрели – сантехники использовали ее для того, чтобы зажимать в шпинделе кусок троса и проворачивать скребок в трубе – он отвинтил ручку и привинтил ее в нужном месте ствола для его удержания. В качестве спускового крючка и рычага затвора он использовал длинные болты, ввинтив их в соответствующую резьбу, спусковой механизм был смонтирован в самом черенке лопаты. Приклад он собрал из рукоятки лопаты и двух ступенек небольшой алюминиевой лестницы. Баллончик с краской оказался глушителем, который он навинтил на конец ствола. Он разобрал небольшой бинокль – мало ли зачем человеку нужен бинокль – и одну его половинку превратил в небольшой оптический прицел постоянной кратности 8X, он закрепил его в соответствующих пазах на винтовке. Самая большая проблема была замаскировать патроны, она была решена гениально – патроны были спрятаны в разборных больших болтах. Их было всего пять, этих патронов, но больше ему не было нужно. Калибр был одним из самых распространенных – 223 Rem. Он использовал принятый в британской армии боевой вариант Mk262mod1 с тяжелой пулей в семьдесят семь гран. По своим боевым возможностям на короткой, до трехсот метров дистанции он не уступал британскому.303 без ранта или русскому 7,62 длинному. Под эту пулю была выполнена нарезка ствола, превращая это внешне неказистое оружие в идеальное орудие убийства – мощное, точное, бесшумное...

Закрыв за собой дверь, он канул в сгустившийся сумрак.

У него не было прибора ночного видения, но это и не было нужно, потому что он происходил из рода казаков-пластунов; отец научил всему, что знал сам. Как и отец, и дед, и прадед, он был вольным охотником и стрелком. Впервые он взял винтовку в пять лет, а первого своего зверя добыл в восемь. Его учили охотиться в плавнях. Плавни – это совершенно особенный мир, не менее страшный и враждебный к человеку, чем джунгли Индокитая. Зимой плавни подмерзали, но достаточно было неосторожного шага, чтобы навсегда сгинуть. Летом плавни превращались в гибрид озера и болота, с укромными местами, тропами и топиями. Горцы – их называли психадзе – пробирались с гор, чтобы воровать скот и поджигать стога сена, чтобы не давать казакам жизни. Бывали в плавнях браконьеры, контрабандисты, в последнее время – наркоторговцы. Потому со станиц выделяли заставы, пикеты, которые уходили в плавни и иногда пропадали там неделями. Пропадали не просто так: в плавнях полно всякой птицы, зверя, такого как кабаны и дикие козы. Были места, где можно было разжиться и рыбой – в плавнях водились такие сомы, которые могли утащить на дно человека. С детства молодые казачата привыкали нести караульную службу в плавнях, добывать себе пропитание, охотиться и рыбачить, заготавливать впрок мясо, чтобы не испортилось, читать следы и ловить обнаглевших горцев. Жить в плавнях было невыносимо из-за сырости и мошкары, которая не только сосала кровь, доводя до бешенства, но и могла выдать тебя противнику. Когда казачата шли на действительную, они уже были готовыми следопытами-разведчиками, способными неделями выживать в нечеловеческих условиях. Таким был и Тихон – теперь уже послушник Виктор. Ему не нужен был прибор ночного видения – он прекрасно чувствовал все препятствия и без него. А трава под его ногами, изгибаясь, не издавала ни единого звука.

Больше всего проблем создавал кустарник – какой-то местный, цепкий, с хрусткими сучками, он разросся так, что пройти тихо было почти невозможно. Слава богу, он быстро кончился – видимо, тут была живая изгородь, – дальше было получше. Ставший лесом парк был необитаем – здесь не собирали хворост, и надо было смотреть, куда ставишь ногу. Не было

здесь ни птиц, ни зверья – возможно, из-за близости большого города, возможно – из-за того, что их кто-то тревожил.

Он не боялся, что в лесу могут быть лазерные датчики движения или, скажем, закопанные в землю датчики давления – он уже бывал здесь при свете дня и заметил бы признаки того, что в лесу есть аппаратура. Эти существа были довольно наглыми, они считали, что Сатана защитит их точно так же, как людей защищает Иисус Христос. Они делали свое дело ночью, при свете луны – и никто потом не задавал вопросов по поводу пропавших. В этой стране давно отучились задавать вопросы.

Так, осторожно пробираясь по лесу, он вышел почти к самому замку. Полуразрушенный, он не интересовал его. Его интересовала заброшенная церковь, которая была справа и у которой уже стоял черный «Рейндж-Ровер». Около него были люди – на одном была полицейская форма, но автоматы были у всех троих...

Держа наготове винтовку, послушник Виктор пополз, чтобы занять намеченную позицию...

Крис остановила машину – ее опыт слежки был небольшим, но она понимала, что на узкой лесной дороге стоило только этому «Даймлеру» остановиться – и ее неминуемо обнаружат. Она остановилась, потому что увидела справа от дороги что-то вроде полянки, прогала между деревьями, где можно было оставить машину. Именно это она и сделала...

Забрав с собой всю аппаратуру, она храбро отправилась в ночное путешествие по незнакомому лесу.

Крис в детстве была сущим сорванцом, и более того – она участвовала в деятельности организации скаутов, созданной генералом Баден-Пауэллом. Это давало ей некий опыт прогулок по ночному лесу, но не более того – любой разведчик услышал бы ее, не менее чем за сто метров. Тем не менее ей удавалось правильно удерживать вектор движения, и очень скоро она увидела какие-то просветы между деревьями и услышала что-то непонятное.

Стараясь не шуметь, она пошла дальше, готовя аппаратуру для съемки.

Происходящее послушнику Виктору было знакомо больше, чем он бы того хотел. Судя по маркам автомобилей, сгрудившихся около заброшенной церкви, на сей раз он наткнулся на что-то действительно серьезное. Бывает, что в сети Сатаны попадает совсем молодежь... неразумные, похожие на взбрыкивающих на лугу жеребят, совсем еще дети. Они читают «Антибиблию», самое известное издание которой выпустил североамериканский одержимый по имени Антон Шандор Ла Вей⁴, они лезут в канализацию и катакомбы, где нередко погибают, они красят черной краской губы, надевают черные балахоны и переворачивают крест вверх тормашками. Ему не были интересны такие заблудшие юнцы... по-хорошему, их могло вылечить покаяние, ептимья и ремень от родителей, а само появление молодежной сатанинской субкультуры было свидетельством скорого конца света. Его интересовали другие – те, кто всерьез занимается экзорцизмом и проводит полные сатанинские служения, с человеческими жертвоприношениями. За этими существами он охотился, этих существ он убивал...

Несколько машин – «Рейндж-Ровер» был самой простой из них. «Даймлер-Бенц», «Майбах», три «Ланчии-Темы» – явный признак присутствия государственных служащих, возможно, кто-то из сената. Два «Ламборгини» – низкое, распластанное купе «Авентадор» и внедорожник «Урус». Спортивный SS и еще две машины, которые он не сумел опознать. Осторожно, чтобы не выдать свое местоположение резкими движениями, он достал фотоаппарат и сфотографировал эти машины. Фотоаппарат в мобильном телефоне работал без вспышки,

⁴ Имеется в виду – одержимый дьяволом. В этом мире к такому относились очень серьезно. Ла Вей – реально существовавший персонаж.

но какой-то свет был, остальное доделают компьютерщики. Несмотря на то что все эти существа подлежали уничтожению, Воинство Христово ставило работу как следует, собирая всю информацию, какую возможно, чтобы выявлять этих существ и уничтожать их. Обычно рядовые члены ячеек не знали друг друга, но вот магистры общались между собой, входя в некое закрытое сообщество. Братьям пока не удалось проникнуть в него – двое магистров, которых удалось захватить живыми, так ничего и не сказали. Один молча умер от пыток, другой как-то умудрился покончить с собой, сломать шею в запертой камере...

Те трое, которые охраняли это нечестивое сборище, делали это спустя рукава. Очевидно, им заплатили, хотя могло быть и по-другому – дьявол мог вселиться в любого. Один встал у дороги, другой шлялся около заброшенной церкви, где и должно было проходить сатанинское служение, третий – вовсе сел в машину.

Черт с ними. В самом прямом смысле этого слова.

Потом он увидел этот лимузин – и он его насторожил не меньше, чем Крис и графа Сноудона. В отличие от них он не знал его марку, но сразу понял, что это редкая, необычная и дорогая машина, выпускающаяся очень небольшой серией и предназначенная только для сильных мира сего. Он несколько раз сфотографировал ее и запомнил, как она выглядит, на будущее. Не исключено, что эта машина поможет найти ключ к верховной власти нечестивых, к паладинам тьмы и уничтожить их до последнего человека...

Автомобиль остановился у церкви, из него вышел мужчина среднего роста, весь в черном, одетый как на похороны. Нет, не в черном балахоне, как это показывают в фильмах, а просто во всем черном, как на похороны собрался. Гробовщик, мать его так. Для выражения любви к Господину этого бывает достаточно. Черный цвет, типичный жест «правая рука ладонью к сердцу, левая вниз, указательный палец показывает на землю» – он знал все жесты, все обычаи, все повадки этих существ, переставших быть людьми. Сейчас должна была состояться полная месса с человеческим жертвоприношением – это станет одним из последних злодеяний этих существ до того, как очистительный огонь пожрет их.

Ignis sanat...⁵

Мужчина открыл заднюю дверь и вывел девушку, одетую во все белое. Несколько шагов до покосившихся дверей церкви она сделала спокойно, бежать не пыталась. Опоили наркотиками... Им удалось установить, что помимо обычных эти существа используют какие-то непонятные составы, секрет которых разгадать также пока не удалось. Человек, принявший такой наркотик, внешне выглядит обычно, он может поддерживать простейший разговор, отвечать на вопросы, если они несложно сформулированы. Но если ты прикажешь ему выбраться с шестнадцатого этажа здания – он сделает это.

Мужчина постучал в дверь церкви и сделал знак, тот самый. Одна рука у сердца, другая показывает на землю – знак принадлежности к церкви Сатаны. Большого не было нужно, но послушник сделал еще несколько снимков для суда инквизиции. Он сам не имел права убивать по своей воле – он только исполнял приговор суда.

Дверь открылась, мужчина и женщина, в белом и в черном, – вошли внутрь. Крис все это снимала, делая десятки снимков, стараясь ничего не упустить.

Она уже поняла, что ввязалась в нечто непонятное. И возможно – страшное. У нее был такой опыт – в Париже она делала репортаж об организованной проституции в городе. Проще всего было бы предположить, что и здесь происходит что-то подобное, сексуальная оргия в непривычной обстановке. Но Крис кожей чувствовала – здесь что-то другое. Злое...

Несмотря на то, что она видела человека с оружием, она все же решилась. Видя, что он смотрит в другую сторону, она быстро перебежала открытое пространство, прижалась к

⁵ Огонь очищает (лат.).

выщербленной, увитой благородным плющом стене. Охранник ничего не заметил. Осторожно, на цыпочках, она начала продвигаться вдоль стены, чтобы найти окно...

Сначала послушник не понял, что происходит, на какой-то момент ему показалось, что жертва, намеченная к принесению Баал-Зебубу, пришла в себя и сбежала из рук ее палачей. Потом он понял, что это невозможно, но там кто-то был. Кто-то, кто пришел из леса... Ему показалось, что это женщина. Он не знал, почему ему так показалось, но инстинкт подсказывал ему – это женщина.

Кто она такая? Что ей здесь надо? Зачем она пришла сюда? Что с ней сделают, если обнаружат...

У него не было никаких инструкций на сей счет. Его специально предупредили, чтобы он не смел делать никаких попыток к спасению жертвы, обреченной на заклятие: что должно произойти, то произойдет, а если они уничтожат все гнездо, то спасут десятки, сотни, может, тысячи невинных жизней и хоть ненадолго отодвинут дату конца света. Но никто ему не говорил насчет того, что делать, если появится кто-то еще.

Он приготовил винтовку... стрелять было еще можно... но сразу же он передумал. Если он убьет эту женщину, ее все равно обнаружат, после чего эти существа впадут в панику и поймут, что о них кто-то знает. Если он попытается ей помочь, ее обнаружат и его тоже.

И так плохо, и этак. Оставалось только ждать. И молиться Господу.

Она нашла-таки место, откуда было видно то, что происходило внутри заброшенной церкви. Раньше здесь, видимо, был один из тех уникальных наборных витражей, которыми славны итальянские мастера: разноцветное стекло, собранное на свинце. Но теперь витража не было, осталась только высокая и узкая дыра в стене, смотрящая на лес. Крис осторожно заглянула внутрь – и обомлела.

Здесь было богослужение, но такое, какого она никогда не видела. На алтаре вместо креста висела пятиконечная звезда⁶, послушники были одеты в монашеские черные балахоны, виднелись кресты, но какие-то неправильные. Дрожа от ужаса, она поняла, что эти кресты перевернуты сверху вниз, являя тем самым символ отречения от Господа и поклонения Сатане.

Девушка в белом, которую привели сюда, была привязана к камню, который имел пять зубцов, та же самая звезда. Послушники стояли полукругом перед ней и что-то бормотали. Во многих местах горели свечи и еще что-то, дававшее сладковатый и удушливый дымок. Чем-то это напоминало марихуану, которую и она покуривала с подружками, но это была не марихуана.

Понимая, что отступать уже поздно, она направила камеру и включила ее на запись, направив на сие неблагочестивое сборище. Лица участвующих были скрыты капюшонами, но она уже сняла машины, которые были припаркованы тут же – вполне возможно, ей удастся потом идентифицировать кого-то.

И тут – кто-то со всей силы рванул ее за плечо...

В отличие от Крис и послушника Виктора офицер двадцать второго полка специальной авиадесантной службы, лейтенант, граф Сноудон проявил куда большую осторожность...

Поняв, что машина объекта свернула куда-то не туда, и недоумевающая, что британской журналистке делать в лесу в такое время, он тем не менее промчался мимо на своем «Нортоне» и притормозил чуть дальше. Через некоторое время рядом притормозила черная «Альфа-Ромео»...

– Что тут происходит, босс? – высунулся из машины Рик.

⁶ Символ открытого гроба. Так что коммунисты хороший знак себе выбрали. Впрочем, в 1918 году серьезно обсуждалось предложение поставить памятник Бафомету (одно из воплощений Сатаны).

– Если бы я знал... – сказал лейтенант. – Сдай немного назад, контролируй выезд на трассу. Я пойду туда...

– Без оружия, босс?

В ответ лейтенант только махнул рукой.

Спрятать мотоцикл гораздо проще, чем маленький «Фиат» и тем более фургон – лейтенант просто скатил его с дороги и положил на бок: мотоцикл был черного цвета, ночью не найдешь, пока не споткнешься. Черная мотоциклетная куртка и джинсы прекрасно подходят для прогулки по ночному лесу, мотоциклетные сапоги не прокусит даже змея, которых в таких вот местах, увы, много. Он только снял шлем и оставил у мотоцикла. Шлем глушил звуки и закрывал обзор – а это было недопустимо...

Еще раз посмотрев на экран своего коммуникатора, он выключил его – не дай бог сообщение какое придет – и поспешил углубиться в лес...

– Пусти... бастард!

Ее сильно ударили, потом кто-то повалил ее, и ее прострелило такой мучительной болью, отчего руки и ноги стали как ватные. Она догадалась, что это что-то вроде стрекала для скота или шокер, каким оглушают животных перед тем, как убить на бойне. Двое подхватили ее под руки и потащили...

Навстречу им из «Рейндж-Ровера» выскочил третий, они обменялись несколькими фразами на каком-то языке, который она не смогла понять, как ни старалась. Она не знала, что это калабрийский диалект итальянского, он отличается от итальянского настолько сильно, что калабриец итальянца вряд ли поймет, равно как и итальянец – калабрийца⁷. Двое прислонили ее к машине, третий побежал куда-то.

Вернулся он еще с одним мужчиной. Тем самым, в черном, который привел девушку в белом на заклание. Только сейчас на нем не было головного убора – черной шляпы «борсалино», и Крис увидела, что этому мужчине больше сорока, худое, белое лицо человека, почти не бывающего на солнце, и глаза фанатика, отдающего приказы сжигать книги и ведьм.

Он рассмотрел Крис, потом отдал команду на том же языке, на котором говорили эти трое. Ее грубо обыскали, нашли и видеокамеру, и фотоаппарат, и прибор ночного видения. Выложили все это на капот. Мужчина, очевидно распорядитель всего этого, посмотрел на изъятые, потом дважды наотмашь хлестнул Крис по щекам...

– Очнись! Очнись!!! Кто ты такая?

Он говорил на практически совершенном английском.

– Да... пошел ты...

Если было нужно, Крис моментально переходила на язык лондонского дна и школы герлскаутов, где нужно было драться за свое место.

– Как интересно. – Мужчина скривил губы в некоем подобии улыбки. – И куда же прикажешь мне идти? К черту?

Он ударил Крис в живот. Это было очень больно.

– Боюсь, что черт может и сам прийти к тебе. Кто тебя сюда послал? На кого ты работаешь? На этих попов?

– Да... пошел ты...

– Кого ты знаешь? Коперника? Это он тебя послал сюда шпионить?

Мужчина еще раз ударил Крис.

– Говори! Если скажешь, разберутся с ним, а не с тобой! Ты нам не нужна!

Крис ничего не сказала.

– Хорошо. Сама напросилась.

⁷ Калабрийский диалект – это смесь итальянского, французского и албанского языков. По сути, это отдельный язык.

Распорядитель отдал приказ, мужчины кивнули. Один пошел открывать багажник «Рейндж-Ровера»...

Послушник Витторио решил действовать. В армии, а точнее в отряде особого назначения, в котором он прослужил последние два года своей службы, его учили: в экстремальной ситуации каждый боец спецназа должен принимать решения сам, исходя из складывающейся ситуации, значение имеет только выполнение боевого задания, способ выполнения выбирает сам боец. Он больше не был ни казаком, ни телохранителем, ни бойцом отряда спецназначения – вот только враг остался. И возможно, эта женщина знала нечто такое, что будет полезно Братии.

Забросив винтовку за спину, он пополз. У него ничего не было, кроме рук и прочной, армированной кевларом, очень тонкой веревки, но ничего другого ему и не было нужно. Возможно, кого-то другого и засекли бы во время передвижения, но только не пластуна донского казачьего войска, которого отец с четырех лет учил скрытно подбираться к ничего не подозревающему врагу. Он полз быстро и целеустремленно, приближаясь к человеку с автоматом, стоящему у «Рейндж-Ровера» и не подозревающему, что смерть совсем рядом.

Под руку ему попался камень – и он моментально изменил план действий.

Первым умер тот, который стоял сзади, справа от «Рейндж-Ровера». Он просто поднялся за его спиной и одним рывком свернул ему шею. Второй – он стоял спереди, слева и в нескольких метрах от машины – упал, получив сильнейший удар в голову метко брошенным камнем. Третий находился в машине, и он сделал ошибку. Машина сама по себе чрезвычайно опасное оружие: две с лишним тонны веса, возможность маневрировать, разгоняться до двухсот двадцати в час – настоящий таран. Но он выскочил из машины, и прежде чем он успел поднять автомат, послушник Витторио выбил его из рук заученным тысячами повторений движением. Затем – жизнь это не кино – расправился с ним самым простым и гарантированным способом – проломил голову зажатым в руке камнем.

Оружие, средства выживания, документы, транспорт, пища, вода – так его учили. В глубоким тылу никто не будет тебя снабжать, ты должен будешь сам позаботиться о себе. Оружие – две «Беретты-12» и до боли знакомый автомат Калашникова, запасных магазинов, конечно же, нет. Автомат он забросил себе на спину, от одной из «беретт» отсоединил магазин. Автомобиль – внедорожник британского производства, полностью исправен – подойдет. Если и нет – он успеет скрыться в лесу...

У него не было приказа делать такое – пока не было. Но эти существа просто не оставили ему другого выбора...

Переключил «беретту» на автоматический огонь – он стрелял из нее и знал, что в режиме автоматического огня она исключительно устойчива. Держа оружие наготове, он пинком открыл дверь, и существа в черных капюшонах, замороженные видом проливающейся во имя их Господина крови, не сразу поняли, что происходит.

– *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen!*⁸ – выкрикнул брат Витторио и открыл огонь...

Лейтенант, граф Сноудон, успел к самому шапочному разбору.

В отличие от брата Витторио, он не был в этом лесу днем, не знал, что впереди, не наметил дороги – и потому продвигался намного медленнее. Он вышел на кромку леса как раз в тот момент, когда брат Витторио расправился с последним из стражей, охранявших сатанинское сборище. Увидев происходящее, лейтенант счел благоразумным оставаться в лесу и посмотреть, что будет дальше. Оружия у него не было – а у этого человека оно явно было.

⁸ Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь! Крестное знамение.

Он увидел, что этот человек действует весьма профессионально, он делает ровно то же самое, что сделал бы он сам. Прежде всего, он собрал оружие – никакое оружие не бывает лишним. Потом проверил, исправна ли ближайшая машина – для обеспечения отхода. Потом – держа наготове автомат, подошел к двери здания, которое графу показалось похожим на церковное, вышиб дверь и с порога открыл автоматный огонь. Граф Сноудон решил, что его намерение оставаться в тени и не ввязываться в непонятную разборку было самым верным...

И тут он увидел, как кто-то в черном метнулся от здания к лесу...

Перепрыгивая через залитые кровью тела, послушник ринулся к окну, на ходу меняя магазин в автомате. В отличие от «калашниковая» «беретта» была ему мало знакома, его руки были поставлены на совсем другое оружие, с другим способом присоединения магазина, с другим расположением переводчика – предохранителя, с другим расположением рукоятки затвора. Именно поэтому он потерял пару секунд при перезарядке, и одному из нечестивых... удалось вывалиться в разбитое окно. Подскочив к окну, он дал длинную очередь вслед, но вряд ли попал, и искать теперь эту тварь в лесу было занятием безнадежным...

Как бы то ни было, эти существа уже никому не причинят зла.

Он подошел ближе к девушке, распятой на сатанинском пятиконечном кресте. Она была еще жива, но на последнем издыхании. Существа вскрыли ей вены на руках и на ногах, чтобы выпустить всю кровь. Эта кровь нужна была их Господину, она же собиралась ими и использовалась в ритуалах малого сатанинского причастия, когда невозможно провести полное сатанинское служение с принесением человеческой жертвы. Они пили вино с кровью и ели гости с кровью, тем самым причащаясь зла...

Послушник Витторио закрыл ей глаза и прочел над умирающей положенную молитву. Из кармана он достал небольшой медный крест и положил ей на грудь, складным ножом он рассек путы, связывающие эту девушку, чтобы та могла умереть свободной. Помочь ей было уже ничем нельзя, но все же она могла умереть как создание Божие, а не как животное на бойне. Спасение души – многим важнее спасения брэнного тела.

Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Requiescant in pace. Amen.

С ее убийцами он уже рассчитался и молитву по ним читать не собирался. Им все равно не попасть в рай, они предстанут перед своим Господином и узнают, сколь горяча сковорода. Все, о чем он сожалел – так это то, что ему удалось прервать их жизненный путь только сейчас и они успели совершить то зло, которое совершили...

Держа наготове автомат, он вышел на улицу, осмотрелся. Над развалинами замка и старой заброшенной церковью висела луна – лукавый символ подземелья. Ему хотелось выпустить очередь в это равнодушное светило, но он сдержался. Вместо этого он достал из «Рейндж-Ровера» ломик и начал вскрывать припаркованные машины...

В «Ламборгини» ему ничего не удалось найти, но в «Майбахе» он нашел девятилитровую канистру с маслом, а в одной из «Ланчий» еще лучше – двадцатилитровую канистру и шланг. Это было все, что ему было нужно...

Он открыл все бензобаки машин и под заунывный вой сигнализации заполнил обе канистры – двадцатилитровую и девятилитровую, из которой он вылил масло. Он зашел обратно в церковь и разлил бензин по телам существ, убитых его рукой. Выходя – чиркнул спичкой и бросил ее назад...

Бензин загорелся разом весь с гулким хлопком, его окатило горячим воздухом. Он перекрестился и то же самое сделал с девятилитровой канистрой – облил бензином машины и бросил спичку. Машины вспыхнули.

Ignis sanat.

Послушник Витторио положил на соседнее сиденье автомат и нажал на газ, выворачивая руль. Слева полыхнуло – у какой-то из машин рванул бензобак...

Случившееся поразило графа Сноудона до глубины души. Офицер британской армии, действовавший и на Индостанском субконтиненте, и в Северной Ирландии, впервые за долгие годы он почувствовал страх.

Эта расправа произошла почти у него на глазах. Человек в черном – он был едва ли не семи футов ростом – расстрелял людей в заброшенной церкви (кстати, а что они там делали?), потом поджег и церковь, и машины, на которых они сюда прибыли. Пока он был внутри здания церкви, граф посмотрел на коммуникатор и увидел, что его подопечная где-то здесь. В «Рейндж-Ровере», понял он, – в багажнике! Приказ предписывал опекать ее, в принципе можно было угнать «Рейндж-Ровер», пока этот человек был внутри церкви – вот только было одно «но». Это в кино все хорошо выглядит – пригibasя к рулю, главный герой жмет на газ, а вслед в бессильной ярости летят пули. Однако в жизни немного по-другому бывает: в жизни обычно убийца появляется на сцене в самый неподходящий момент. Вот он выходит из церкви и в руках у него автомат – а ты посреди открытого пространства, оружия у тебя нет, и деваться, в сущности, некуда ни тебе, ни ему. Тебе – потому что рядом нет самого захудалого укрытия, а ему – потому что ты его видел в деле, а еще одно убийство срока ему не добавит. А бронепуля, выпущенная из автомата «АК», может пробить и задний борт, и спинку сиденья, и твою спину, так что с этим шутить точно не стоит...

Когда человек в черном сел за руль «Рейндж-Ровера», граф включил свой коммуникатор. И вовремя – пришел срочный вызов...

Он нажал «ответить».

– Босс! – послышался голос Рика. – Здесь неладно что-то.

– Что именно?

– Пробежал какой-то козел. Жмет, как будто черти за ним гонятся.

– Куда рванул?

– На юг, босс. Что делать?

– Ничего. Сейчас пройдет черный «Рейндж», следи за ним, но осторожнее. Видишь маяк?

– Да, босс. Он движется.

– Сработает один, с маяком нормально будет. Не подставься только. Вызови остальных из города, скажи – пусть будут наготове.

– Будет сделано, босс. А вы?

– На меня не рассчитывай.

С этими словами граф побежал обратно. Шанс догнать «Ламбо» один из десяти... Но все же и такой шанс – шанс. Его мотоцикл запросто поспорит в скорости с любым суперкаром мира. Если машина не свернула с федеральной трассы – он ее нагонит. И поймет – что, ко всем чертям, здесь происходит...

Крис решила, что лучший способ привлечь к себе внимание – это биться в багажнике, пока есть силы. На дорогах много полицейских постов, в связи с последними убийствами введены усиленные проверки на всех дорогах, особенно тех, которые ведут к Риму. Есть шанс, что машину остановят и потребуют открыть багажник. В конце концов, хуже того, что с ней сейчас, уже не будет.

Она билась и билась, потом багажник открылся, и все небо заслонил человек. Она замычала – рот был заклеен, но человек не обратил на нее внимания, он просто что-то взял из багажника и обратно закрыл его.

Она снова начала стучать ногами в борт. Потом машина тронулась, и она услышала глухой хлопок, но не поняла, что это.

Машина ехала какое-то время по неровной дороге, потом свернула на ровную, но почти сразу остановилась. Она замерла и даже перестала стучать – может быть, ее решили убить или

оглушить. Но вместо этого кто-то открыл багажник и осветил ее фонарем. А потом рванул скотч, которым был заклеен ее рот, – это было так больно, что у нее слезы брызнули из глаз.

Он не стал спрашивать, кто она такая и как здесь оказалась. Вместо этого он просто спросил:

– Хочешь оставаться здесь или поехать со мной?

Крис долго не раздумывала.

– Хочу уехать отсюда...

Неизвестный перенес ее в фургон, посадил на переднее сиденье и пристегнул. В фургоне неприятно воняло.

13 июня 2014 года **Берлин, Священная Римская империя** **Лютцовштрассе 48⁹**

Основной рабочий кабинет генерал-майора сил полиции, начальника четвертого управления РСХА доктора Манфреда Ирлмайера располагался по адресу Лютцовштрассе 48. Здесь был отель, довольно помпезное и безвкусное четырехэтажное здание, в которое в конце тридцатых заселилась первая рефература четвертого отдела РСХА – борьба с коммунистической угрозой. В семидесятых здание пришло в аварийное состояние, в связи с чем первая рефература оставила его, и до конца восьмидесятых оно пустовало. Затем, несмотря на протесты некоторых берлинских архитекторов, здание снесли, а на его месте подставили довольно угрюмого вида шестизэтажку, построенную в минималистском стиле начала века. Подлинным благословением тех, кому предстояло здесь работать, была стоянка: трехэтажная, на ней хватало места для всех – как для работников, работающих в этом здании, так и для посетителей. Проблема с парковкой в Берлине стояла достаточно остро: улицы были широкими, но они были предназначены для движения, а не для парковки, припаркованные машины эвакуировали или совали бумажку с уведомлением о штрафе. В этом здании полноценную парковку смогли сделать только потому, что снесли старое здание подчистую.

Генерал-майор сил полиции занимал угловой кабинет площадью около сорока квадратных метров, что для имперского чиновника его уровня было довольно скромно. Здесь он не держал никаких документов, и даже компьютер приносил с собой и уносил после работы в небольшой кожаной наплечной сумке. Здесь он почти не принимал людей, только разбирался с поступившей информацией. И немудрено – ведь именно в этом здании располагалось седьмое управление РСХА и здесь же, до начала девяностых годов, находился знаменитый Комиссар. Один из самых мощных компьютеров своего времени, он-то и занимал три подземных этажа до того, как его заменили на более современную модель, а подземные этажи переделали под стоянку. Седьмое управление РСХА отвечало за документацию, и генерал-майор Ирлмайер лично приезжал работать с документами по делам, которые его интересовали. Кабинет ему выделили без особых проблем: современный комиссар располагался в ста стандартных шкафах вместо трех этажей, для его обслуживания нужно было девять человек вместо ста семи, и кабинеты в здании были.

Сейчас доктор Ирлмайер по привычке подошел к бронированному, залитому водой окну, посмотрел вниз – на широкую, разделенную зеленым газоном и тополями Лютцовштрассе, ведущую в сторону Потсдаммерплатц – потсдамской площади. В Берлине шел дождь, и генерал-майору было немного грустно.

За спиной зазвенел электрический звонок, и генерал-майор вернулся к столу, чтобы открыть дверь. Здесь ни одна дверь не оставалась открытой, ее можно было открыть только изнутри.

На пороге появился подтянутый молодой полицейский с журналом и небольшим пакетом, опечатанным личной печатью.

– Данные по Риму, герр генерал-майор! – доложил он.

Генерал-майор проверил целостность печати, потом расписался в журнале. Выпустил курьера, потом сломал печать и достал флеш-карту. Между некоторыми кабинетами была проведена пневмопочта, чтобы не гонять курьера, но в кабинетах старших офицеров и в совещательных залах пневмопочты не было. Оно и понятно – слишком просто подслушивать.

⁹ В нашем мире по этому адресу располагался рейхсфюрер СС.

Генерал-майор сломал печать и достал флеш-карту правительственного образца. Большинство бывших в ходу современных флеш-карт имели емкость в шестьдесят четыре гигабайта – эта была только в два. Правительство не особо следовало прогрессу, закупая годами одно и то же.

Генерал-майор вставил карту в свой ноутбук. Для того чтобы прочитать ее, требовалась специальная программа, не совпадающая ни с одной, имеющейся в свободном обращении. Если эту флешку вставить в обычный ноутбук, он покажет, что карта сломана.

Рим...

Перед глазами пошли донесения, генерал-майор установил режим перемотки, отрегулировав его скорость. Информацию он воспринимал на лету, почти на подсознательном уровне.

Рим... он был совсем близко. Десятки муравьев собирали по крупичкам драгоценную информацию, неся ее сюда, в здание на Лютцовштрассе. Каждый из них знал только то, что ему нужно знать, и лишь генерал-майор Манфред Ирлмайер не только знал все, но и понимал скрытые пружины тех или иных событий...

Стоп.

Что-то ему не понравилось – он остановил воспроизведение. Потом – отмотал назад.

Секретно

Срочно

По сообщению 082156, сегодня в Риме, в посольстве Российской империи, был замечен достоверно установленный как русский разведчик вице-адмирал князь Александр Воронцов. Воронцов вошел в посольство РИ легально, через вход в консульский отдел, выход не был зафиксирован. Очевидно, Воронцов покинул посольство РИ нелегально.

*Докладываю на Ваше усмотрение
115281*

*Верно
Начальник Сектора 1
Рефература 1 управление 6 РСХА
Криминальрат, доктор
НЕБЕ*

*Принято: 12.06.2014 19.21
Сектор 1
Криминальсекретарь
ПАУШВИЦ*

Генерал-майор полиции потер виски – голова начала болеть, как и всегда бывало, когда начинались проблемы. Время в Берлине и в Риме совпадало – Зулу¹⁰ плюс два. Какого черта они до сих пор сверяют время по лондонскому времени, что за свинство? Этот город давно уже не центр цивилизованного мира!

Ирлмайер еще раз перечитал сообщение. Действующие агенты и оперативники были обозначены условными кодами вместо имен и званий, это правильно. Его личный код 661218, он помнит его наизусть. Сообщение пришло вне очереди, но служба документирования сработала

¹⁰ Военное обозначение времени по Гринвичу. Зулу плюс два – Лондон плюс два часа.

четко – поскольку он все еще находился в здании, она немедленно сообщила ему. Надо будет поощрить... хотя директор скор только на расправу.

Нет, все равно надо поощрить. Даже за счет своих личных фондов, которые у него есть, как и у каждого уважающего себя начальника...

Генерал выключил компьютер. Сообщение стерлось автоматически... надо сдать флешку. Поднял трубку внутреннего телефона...

– Кто? – спросил, как только ответили.

– Секретарь Гаузе, господин генерал-майор полиции...

Узнают. Это хорошо...

– Все данные на русского разведчика вице-адмирала Воронцова... – Ирлмайер привычно продублировал по буквам. – Все данные. Подпишите запрос 661218. Я буду в шестой.

По коридору он прошел в рейхспомещение 6 – так назывались большие комнаты в этом здании, где был проведен Интернет. Нигде больше Интернета в этом здании не было, даже в кабинете начальника управления семь, регирунгс унд криминальдиректора доктора Бользена. Только по одному помещению на этаж, это большие комнаты, в которых никто и никогда не остается один, а за твоей спиной, непринужденно прогуливается какой-нибудь унтер.

Предъявив свое удостоверение, он получил место, такое же, как у всех, подключил свой компьютер. Он часто так делал... по его опыту архивисты, установщики обычно перестраховываются и не помещают в файлы то, что вызывает хотя бы малейшие сомнения. Газетчики же, лишённые чувства стыда и чувства меры в равной степени, пишут всякую грязь, но в этой грязи, если хорошо покопаться, можно и найти жемчужину.

К тому времени как ему принесли данные на Воронцова, генерал-майор полиции Манфред Ирлмайер уже знал более чем достаточно. Русские начали какую-то свою игру. Так все и начинается... Даже если они ничего не знают, то могут узнать. Для того чтобы начать игру, надо просто сесть за стол и играть. А карты тебе в любом случае раздадут.

Пакет генерал-майор вернул обратно, не вскрывая.

– Адъютанта ко мне! У себя...

Адъютант, дураковатый Графт, прохлаждался внизу. Наверху ему делать было нечего.

Когда Графт, сверкая идиотской улыбкой, влетел в кабинет, генерал-майор уже принял решение. С проблемами надо разбираться, пока они в зародыше.

– Пишите, Графт, – распорядился он. – Секретно, только старшим офицерам...

Секретно

Только старшим офицерам

Особой важности

Начальникам рефератур 1

рейхспредставительств

Рим, Милан, Каир, Тирана, Алжир, Аграм, Могадишо, Порт-Судан, Тегеран, Багдад, Порт-Аден, Танжер

1. Приказываю в двадцать четыре часа обобщить и доложить информацию по активности разведывательных служб Российской империи в зоне ответственности, особенно отметив любые необычные проявления активности.

2. Принять меры к розыску возможно находящегося в вашей зоне ответственности Воронцова Александра В., вице-адмирала флота Российской империи, установленного разведчика, деятельность которого является угрозой Рейху! Может изменить внешность, использовать документы на другое имя. Интерес также представляет информация о нахождении Воронцова в течение последнего года.

3. Исполнение доносить мне немедленно.

Зиг Хайль!

Начальник 4 отдела РСХА

Генерал-майор полиции

ИРЛМАЙЕР

– Кто у нас сидит в Риме? – спросил Ирлмайер.

– Немедленно выясню, герр генерал-майор!

Графт, по крайней мере, был идиотом обучаемым. Совсем недавно он отвечал на этот вопрос «не могу знать!». Может, из него что-то и получится.

– Машину. Едем на Принц Альбрехтштрассе...

14 июня 2014 года Рим, Римская республика

Первым делом, оказываясь на незнакомой территории, разведчик должен найти себе исходную точку – квартира, комната, номер в отеле, чердак в заброшенном здании. Вторым делом позаботиться о чистых документах. Третье – о средствах передвижения. Четвертое – о пути отхода.

Жилище я нашел просто – поселился в пансионе, одном из тех милых местечек, где от клиента нужны деньги, но не паспорт, достаточно тихом, чистом и пристойном. О втором пока заботиться не следовало, нормальные документы у меня были. О третьем я позаботился на следующий день: в агентстве проката арендовал небольшую, но мощную «Альфа-Ромео», потом поехал на ней на блошинный рынок и купил мотоцикл. Точнее мотороллер – знаменитая «Веспа», Оса – первый в мире мотоцикл, которым могла управлять обычная домохозяйка. Иные презрительно отвернулись бы от столь неприятельного транспорта, и напрасно: в час пик в Риме на чем-либо ином проехать положительно невозможно. Чтобы не тратить лишние деньги, мотороллер я купил подержанный. Спрятал я его в соседнем дворике, противоугонный замок надевать не стал. Может так получиться, что времени снимать его не будет, а если угонят – то и черт с ним. Потом я зашел в магазин электронных товаров и купил еще кое-что, владение чем никак не ограничивается...

Вопрос с отходом я тоже решил: сначала заказал по Интернету два электронных билета с открытой датой, один в Берн, Швейцария, другой – в Танжер. Потом наведаясь на вокзал и взял билет до Палермо. Итальянцы все-таки огоревали мост через пролив Мессина, и теперь до Палермо можно добраться на поезде.

Настало время выходить из тени. И начать я решил с банков.

Натянув (омерзительное ощущение!) на себя парик, который был похож на мои настоящие волосы, и сменив поддельный паспорт на настоящий, дипломатический, я зашел в самую обычную телефонную кабинку и набрал самый обычный номер. Римский номер.

После первого же гудка трубку взяли.

– Добрый день, Банка ди Рома, слушаю вас.

– Барона Карло Полетти будьте добры...

– Боюсь, синьор, господина барона в настоящее время нет в офисе. Я могу узнать ваше имя?

– Оно вам ничего не скажет. Я знаю, что барон в офисе. Извольте пригласить его к телефону.

– Синьор, вынуждена повторить, что барона в офисе нет. Я могу что-либо передать господину барону?

– Да, привет из Тегерана.

– Боюсь, синьор...

– Просто скажите это ему синьорина, и все. Привет из Тегерана. От баронессы Антонеллы Полетти. Он все поймет.

– Но, синьор...

Я повесил трубку. Время разговора было достаточным для того, чтобы надежно засечь это место. Теперь будем ждать...

Пройдя несколько кварталов от этого места, я зашел в пиццерию. Заказал себе пиццу, настоящую пиццу, приготовленную в дровяной печи. Так называемую ординарную пиццу, с

помидорами, чесноком и перцем. Поскольку это было table d'hot¹¹, ее принесли мне почти сразу, как и положено – на деревянном круге и разрезанную. Наслаждаясь пиццей, я достал мобильный коммуникатор, включил его. Отличная штука – все с собой.

Так и есть...

В начале улицы, с которой я звонил, стоял небольшой «Фиат» с лестницей на крыше. Конечно же, это не машина телефонной компании, а машина слежения с антенной, замаскированной под легкую раскладную лестницу. На улице были люди, которых там не должно было быть. Как я понял, что это они? Да очень просто. Обитатели Рима делятся на две категории: местные жители и туристы. Местные жители всегда передвигаются чуть ли не бегом, отлично умеют лавировать в толпе, протискиваться между плотно идущими и нос к носу припаркованными у тротуаров машинами. Туристы – постоянно пялятся по сторонам, неуместно восторгаются красотами города и носят фотоаппарат или видеокамеру на ремне. На этом фоне никуда особо не спешащие личности... даже дама с ребенком – сразу бросаются в глаза. Идиоты – ждут, что я вернусь звонить на это же место. Я не удивлюсь, если и лавочников опрашивают.

Серьезно работают. Ладно. Только я еще лучше – ночью я установил две миниатюрные веб-камеры с выходом на мобильный, продающиеся в обычных магазинах, где продают мобильные и всякие гаджеты к ним. Послание достигло цели и дало мне важную информацию: барон Карло Полетти нервничает и барон Карло Полетти при делах.

Вот и отлично.

Выходить с ним на контакт сразу я не буду. Дам немного помариноваться в собственном соку. На сленге разведки это называется «подложить камень в башмак». Звонок достиг цели, вывел его из равновесия – это и есть камень. Теперь барон не сможет нормально заниматься своими делами, он будет нервничать, постоянно возвращаться мыслями к этому звонку, прикидывать последствия, искать меня, дергаться. Он не знает, кто я, зачем звонил, я не сказал ничего и не потребовал ничего. Это как ходить с камешком в ботинке – рано или поздно ботинок будет полон крови. Когда барон созреет – я выйду с ним на контакт.

Неспешно доев пищу, я огляделся по сторонам. Официант в кафе был не из студентов – а из сомалийских беженцев, они стоят дешевле и за них не стоит платить налоги. Вот и отлично.

Я достал из коммуникатора сим-карту, сам коммуникатор незаметно и аккуратно бросил рядом со стулом. Положил на стол несколько мелких монет за пищу – уборщик придет за монетами, найдет коммуникатор и обрадуется. Есть возможность того, что обеспокоенные итальянцы, поняв, что их надули, просканируют местность и обнаружат два моих гаджета. В таком случае они пойдут по этому следу, дойдут до телефона. Считается, что если вынуть сим-карту и поставить новую, то телефон анонимизируется, но это не так. В связи с ростом криминальных и террористических проявлений между производителями техники и соответствующими государственными организациями заключено специальное соглашение, и теперь каждая физическая трубка обладает собственным, независимым от сим-карты кодом. Причем она передает этот код не только в то время, когда ты звонишь, но постоянно, с определенной периодичностью, на ближайшую вышку связи. Так что если ты сменил сим-карту, это не значит, что тебя не найдут. Но меня – точно не найдут; если итальянцы додумаются пойти по такому пути, то они найдут либо бедолагу, который купил мобилу с рук на блошином рынке (как и я купил одновременно с покупкой мотороллера), либо сильно нервничающего беженца, который нелегально находится в стране, плохо говорит по-итальянски, всего боится, и перед которым каждый день проходит по тысяче человек, а белые для него – на одно лицо. А сим-карту я выкину в Тибр.

Хуже того – с этого телефона я позвонил на особый номер, и специальная аппаратура узнала отметку от этого аппарата и взяла его на особый контроль. Теперь, если итальянцы

¹¹ Дежурное блюдо.

начнут разыскивать этот аппарат – Невод поймет, что система разыскивает этот аппарат, и сбросит текстовое сообщение на сервер. Таким образом, я пойму, какие возможности по моему поиску у барона Полетти. Государственные – или просто возможности богатого человека.

Вот так и ведется эта игра...

Теперь, пока барон истекает кровью, мне надо было дернуть за другую нитку, пока у меня есть время.

16 июня 2014 года Римская республика Пятьюдесятью километрами севернее Рима

Найти Тихона, моего бывшего телохранителя из казаков в Персии, который один раз крепко меня выручил, было намного сложнее. Современный человек уязвим прежде всего своей плотной связью с остальным миром. Он живет в городе, регулярно ходит на работу, носит с собой мобильный телефон, платит квартплату и заполняет налоговую декларацию. По выходным выбирается в общественные места, заходит в бары, пьет там спиртное. Тихон жил в монастыре, сотового явно не имел и лишь иногда выбирался оттуда, выполняя приказы некоего аббата Марка, бывшего генерала русской разведки, воцерковившегося и принявшего бороться с ересью и дьявольщиной (наверное, я никогда такого не пойму). В самом монастыре, как вы уже догадались, не было ни вышки сотовой связи, ни проводной линии – монахам они тоже ни к чему. Где точно находится монастырь, я не знал. А если бы и знал – отправиться без приглашения не рискнул бы. Оставалось самое надежное, но и самое утомительное – ждать.

Для ожидания я выбрал место неподалеку от той дороги, на которую мы свернули в прошлый раз. Чтобы ожидание было нескучным – купил две пиццы «с собой» в картонных коробках, упаковку энергетика «Ред Булл», попросил налить кофе в термос и купил несколько шоколадок. Про себя решил, что буду следить ровно три дня – за это время обнаружат либо меня, либо я найду Тихона или кого-то из братии. Если ничего не получится, выходить на связь придется другими методами, и после того, как я поговорю с бароном Полетти, на мой взгляд, ключевым игроком в интриге, знатоком того, что происходило в итальянской банковской системе последние двадцать лет.

Тихона я едва не упустил. Если бы я расположился там, где не виден сам выезд на дорогу, я бы ни за что не обратил внимания на небольшой грязный фургончик, принадлежащий, видимо, сантехнику или ассенизатору или кому-то в этом роде. Тем более я знал, что в монастыре предпочитают совсем другие машины, в основном гольф-класс с чрезвычайно мощными моторами. Только удивление от того, что такая машина едет по знакомой дороге, заставило меня всмотреться внимательнее. И через лобовое стекло я увидел Тихона – он не мог затонировать лобовое на такой затрапезной машине, это было бы и подозрительно, и незаконно.

Тихону я доверял – настолько, насколько можно было доверять кому-то в нашем мире: по крайней мере, два года назад ему было достаточно лишь ничего не делать, чтобы меня убили. Поэтому я тронул машину с места, обогнал и посигналил – ровно в том месте, где у дороги был небольшой ресторанчик. Тихон остановил машину, я вышел, ничего плохого не ожидая.

Увидев меня, из машины вышел и Тихон.

– Какими судьбами?

– Занесло... кривым ветром.

Мы обнялись, крепко – в Италии вообще любят трагедии при приветствиях и расставаниях. Обнялись, не называя имен друг друга.

– Перекусим? Приглашаю...

И мы пошли в ресторанчик, где нас никто не знал и никто не ждал...

Заказали *pasti*. Ничего другого здесь и не подавали, это было заведение для проезжих людей, просто чтобы утолить голод. Но итальянцы в еде, как и в прочих удовольствиях, перфекционисты, они не признают половинчатых решений. И потому *pasti*, которые подавали здесь, в придорожной забегаловке, были приготовлены в дровяной печи и с домашним же, острым до слез салатом. В Москве подобное блюдо вам подадут лишь в самом дорогом итальянском ресторане.

– Как у вас дела, Витторио? – спросил я. – Все воюете с драконами?

– Как получается...

– Как аббат Марк?

– Пока жив...

Я недоуменно посмотрел на него.

– Что значит – пока?

– Он же болен. Рак, синьор. Врачи оставили ему два года. Это было три с половиной года назад...

Вот так так... Вот и раскрылась одна тайна – почему генерал русской разведки оставил службу и ушел в монастырь. Три с половиной года... Значит, он делает важное и нужное дело, если Господь еще не призвал его к себе...

– Он... в порядке?

– Святой отец... никогда не показывает телесной слабости.

– Мне нужно встретиться с ним. Он в монастыре?

– Это можно... Пойдемте, что ли... подброшу.

– А куда ты ехал?

– Да так... мелкое послушание. Работы нет пока.

Мы вышли из траттории, сели в фургон. Машина развернулась, покатила в обратном направлении, свою я оставил на стоянке. Противоугонка здесь хорошая, вряд ли угонят. Угоняют обычно в городах.

– Как сам-то?

Я дружески хлопнул казака по плечу. Черт... в этом мире так редко удается встретить старых друзей, потолковать с ними о том о сем. В моем мире, я имею в виду. В мире кривых зеркал, зла и предательства. Это мир разведки.

– Да все так же, синьор адмирал, все так же.

– Вернулся бы ты к супруге, что ли. Простил бы ее, на землю осел, хозяйством обзавелся, что ли...

Судя по лицу Тихона, сказал я лишнее.

– Не время... – сказал он, управляя машиной. – Раньше я думал... ну год, ну два. А теперь знаю – нельзя уходить отсюда. Здесь – тоже война...

Да...

Чтобы скрыть некоторую неловкость, я устави́лся на приборную доску. Машина была в самой простой комплектации, вместо бардачка здесь была пластиковая полка, на которую можно положить инструмент, папку с бумагами и тому подобное. И там – что-то показалось мне необычным. Вроде... тот же самый телефон... но здесь, рядом с грязной ветошью и ключом. Это же... дорогая и современная модель.

– Твой? – показал я на телефон

Тихон помрачнел еще больше.

– Да нет... Одной... женщины, забыла по дороге. А я тут плохо разбираюсь, не знаю, что к чему...

Я почувствовал, что Тихон о чем-то не хочет говорить. Казаки люди простые, они растут в основном в станицах, при простых и понятных отношениях, потому и разведчики из них получаются как из... немцев. Потому я и сказал Тихону, что надо бы ему прекращать все это дело и возвращаться в станицу. Убьют ведь...

В каждом телефоне есть такая страничка, на которой записываешь личные данные. Это помогает, когда потерял телефон и надо вернуть. Записывают, конечно, не все; я, например, и не думаю этого делать – но записывают. И здесь страничка была заполнена. От вида фотографии женщины, которая была прикреплена к личному файлу, я обомлел.

– Когда ты это нашел? Когда у тебя была эта женщина?

– Да, считай, вчера...

– И где она? Куда ты ее отвез?

Тихон не ответил, а только цыкнул зубом.

– Знал я, добром не кончится...

– Что добром не кончится? Она в беде? Дружище, это очень серьезно. Помнишь еще, кто такой Коленвал и что он до сих пор на свободе?

– Да помню... – прорвало Тихона. – Синьор адмирал, простите, не моя тайна. Встретимся с отцом, благословения попрошу – скажу. Нет – извиняйте покорно. Хоть режьте – не скажу ничего...

Самый простой способ следить за современным человеком – через его мобильный телефон. Дело в том, что мобильный телефон – это устройство, подключенное к глобальной сети, универсальное, способное принимать и передавать большие объемы данных, постоянно находящееся при нужном человеке. Более того – мобильный телефон, даже выключенный, время от времени передает сигналы на ближайшую вышку сотовой связи, подтверждая свое местонахождение; чтобы избежать этого, нужно достать аккумулятор. При помощи некоей модификации программного оборудования сотового – последние версии этой программы-«жучка» могут быть внедрены при помощи сети мобильного Интернета, дистанционно – по внешнему сигналу превращают телефон в подслушивающее устройство, которое передает по интернет-каналу все происходящее в радиусе нескольких метров от микрофона, который на всех сотовых высококлассный и очень чувствительный. Короче говоря, с распространением мобильного телефона задача слежки и прослушивания значительно упростилась, но никто еще не смог ответить на один простой вопрос: а что делать, если нужный человек сотовый просто... потеряет.

Лейтенант граф Сноудон без труда удержался на своем полугоночном мотоцикле за нужным фургоном на ночной трассе, ориентируясь именно на сигналы немного модифицированного сотового телефона. Следом, на еще большем удалении, шла «Альфа-Ромео». Он проследил за фургоном до небольшого придорожного мотеля, примерно в тридцати километрах от того места, где в темном и заброшенном месте развернулись подозрительные и в высшей степени страшные события. Через монокуляр ночного видения, владение которым не лицензировалось и который граф купил в Италии, он наблюдал за тем, как их подопечная вышла из фургона в сопровождении детины, с которым граф поопасался бы иметь дело голыми руками. Он проводил ее до одного из домиков – в Италии были отдельные домики, а не общее примитивное строение, как в САСШ, и на какое-то время зашел в номер. Причем – граф готов был поклясться – вовсе не за тем, чтобы принять благодарность в той приятной форме, в какой умеют благодарить своих спасителей дамы. Вышел он как раз в тот неудобный момент, когда подъехала «Альфа-Ромео», и граф не был уверен в том, что этот парень не заподозрил неладное.

– Что за дела, босс? – спросил Рик, опустив стекло в «Альфе».

– Хреновые, – подтвердил Сноудон. – Вон тот номер, видите?

В числе спецсредств, какие имели при себе агенты САС, входили специальные излучатели. Они маскировались в ручке или в мобильном телефоне, работали по принципу лазерного прицела – только луч был невидим человеческим глазом. Его можно было увидеть только через специальные очки, ничем не отличающиеся от обычных дизайнерских темных очков. Используя этот внешне ничем не примечательный прибор, можно было координировать слежку на запруженной людьми улице, указывать на предметы, людей, даже цели для некоторых моделей беспилотников. Полезный и непримечательный прибор, в общем. Рик надел черные очки – и увидел толстую желтую веревку лазерного луча, упершуюся в номер одного из домиков на поляне.

– Она там?

- Точно. Один в машине, один на природе. Ясно?
- Боже...

Среди умений, какие вбивали в новобранцев в двадцать втором полку специального назначения, было умение длительное время выживать на природе, в том числе в выкопанных в земле скрытых пунктах наблюдения, в отсутствие каких-либо удобств. Спецназовцы САС могли несколько дней лежать на земле рядом с каким-нибудь тайником, заложенным для ИРА, чтобы увидеть, кто к нему придет. Или недалеко от кладбища с лазерным подслушивающим устройством – чтобы прослушать разговоры на похоронах, которые боевики ИРА используют для оперативных совещаний. Так что Его Величество был прав, преобразовав САС в специальную оперативную группу британской внешней разведки. Девять из десяти агентов других стран просто не смогли бы выполнить подобный приказ.

Том вылез из машины, Рик передал ему свернутый кусок толстого полиэтилена, который они купили в скобяной лавке.

- Смотри не отморозь себе чего...
- Да пошел ты...
- О'кей, босс. Чего ждать.
- Да чего угодно. Если ее попробуют увезти отсюда силой – стреляйте на поражение.
- О'кей. А вы?
- Рвану вон за тем фургоном. Посмотрим, куда он поедет. Я на трубе.
- Ни пуха, босс.
- К черту...

Когда они произносили это «к черту», это было как ритуал. Никто не думал, что черт и в самом деле может прийти...

В монастырь нас пустили без проблем. Я посмотрел на трофей – сигнала не было никакого. Здесь не было вышки сотовой связи, никакая связь, кроме спутниковой, не работала.

Монастырь не изменился – он, наверное, несколько сотен лет уже не менялся. Выбеленные изнутри стены, чистота, порядок, грубые строения из дерева и камня, где живет братия, где хозяйственные помещения, где братия занимается делами, не имеющими отношения к тому, зачем в самом деле существует монастырь. А вот машины под навесом были прикрыты, причем я присмотрелся и понял, что не совсем обычными чехлами. Слишком толстые, такие чехлы используют в самых северных регионах, они теплоизолирующие... и, помимо прочего, машину под этим чехлом не видно ни с беспилотника, ни со спутника с самыми современными сканирующими системами. Аббат Марк, в миру генерал русской разведки, покинувший навсегда *органы* после событий в Персии, умело совмещал старомодные приемы работы и самые совершенные технические новинки. Здесь он – кто-то вроде резидента, резидента специального отдела Русской Православной Церкви, оформленного как орден. Даже я не смог узнать об этом ордене ничего, кроме его названия – Орден Безмолвия – и очень общо выраженной миссии: предотвращение конца света. Можно было бы сказать, что аббат получил боевую психотравму в Персии и от этого вместо борьбы с террористами борется с дьяволом. Но эти люди – и конкретно послушник Виктор – спасли мне жизнь два года назад в Риме, во время моего короткого визита сюда. И те, кто приходил за мной, явно имели какое-то отношение к католической церкви...

– Вы с местным населением контактируете? – спросил я своего попутчика, пока он ставил машину.

- А как же? Мы тут и пропитание выращиваем, и пиво варим свое. Вот, посмотрите...
- Послушник открыл дверцу – и я увидел темные бочонки с пивом.
- Так ты пиво вез на продажу? Чего не довез?

– Даст бог, к вечеру доведу. Скажу, машину чинил, к этому уже привыкли. Дружба важнее, синьор адмирал.

– А что у тебя машина такая... неприглядная?

– Так другой нет. Мы совсем бедный орден...

Виктор отвечал без тени улыбки.

Лейтенант, граф Сноудон не рискнул продолжать слежку, когда фургон свернул с большой дороги на небольшое ее ответвление, шириной всего в одну полосу. Это вполне могло быть маневром против слежки: на такой дороге достаточно просто остановиться, и парень на твоём хвосте просто врежется в тебя сзади. Тем более если дело происходит ночью, а дорога узкая.

Граф Сноудон достал коммуникатор и с тревогой и удивлением увидел, что метка сначала начала мигать, а потом пропала. Он вызвал панель управления и через несколько секунд узнал причину: сигнал слишком слабый либо отсутствует. Тогда он вызвал план соответствующей области Италии с обозначением зоны покрытия сотовой связью – и с удивлением узнал, что в том месте, куда уехал фургон, покрытия нет вообще! Это не столько удивило графа, сколько озадачило. Конечно, это Италия, здесь все через пень-колоду, но... одним из признаков цивилизованной страны, тем более империи, является стопроцентное покрытие всей ее территории сотовой связью и каналами получения информации. Даже русские с их громадными просторами в Сибири и на Дальнем Востоке решили эту проблему, подвесив мощнейшую аппаратуру, дающую покрытие на десятки тысяч квадратных километров на огромных стационарных дирижаблях, и теперь, сплавляясь по сибирской реке или охотясь на огромного камчатского медведя, можно постоянно быть на связи, вечером выйти в Интернет или поговорить с семьей. А тут... а тут нет сотового покрытия. И вроде бы не горы... ничего не мешает поставить.

Мда...

Лейтенант решил, что ему надо отдохнуть. Иначе завтра он будет недееспособен, а этого допускать нельзя. Он привычно увел мотоцикл с дороги, положил на бок и спрятал. Поставил коммуникатор на автодозвон: если нужный ему телефон снова будет в зоне покрытия, его коммуникатор даст об этом знать будильником. После чего лейтенант достал новомодный термоизолирующий охотничий плащ, который сильно выручал его при поездках на мотоцикле, завернулся в него и заснул. Во время бросков через Брекон-Биконс, холмы на стыке Англии и Уэльса, он научился спать на голой земле, как собака, подложив под голову приклад автомата, – и нынешние условия сна были для него райскими.

Лейтенант проснулся около восьми часов по местному времени. Чувствовал он себя превосходно – теперь он мог не спать двое суток. То, что он проголодался, зарос щетиной и стал выглядеть как бродяга – значения не имело.

Первым делом он решил, что надо пойти и узнать, что там впереди, ко всем чертям, происходит. Потому он набрал номер сотового Рика – если там нет связи, то последние новости надо узнать сейчас.

Рик ответил не сразу. Судя по звукам в трубке, он что-то ел.

– Что жуешь? – спросил подчиненного граф.

– Пиццу, босс. Здесь чертовски вкусная пицца, лондонская просто блевотина по сравнению с этим. Я сгонял в трактир, тут рядом.

– Внимание не привлек?

– Нет, босс. Там водители грузовиков были, кого там только не было. В таверне у дороги всем плевать, как ты выглядишь, были бы деньги.

– Оставь и Тому. Не наглей. Как он?

– Кажется, дрыхнет без задних ног, босс.

– Разбуди его, пора и службу служить. А как наша подопечная?

– Сидит в номере, босс. Безвылазно.

Лейтенант насторожился:

– Ты уверен? Может, она смоталась?

– Никак нет. Я подкрался к ее домику, чтобы послушать. Она так заорала, что я чуть в штаны не опустил.

САС был в своем репертуаре.

– Спустил или опустил, извращенец чертов? – поинтересовался граф Сноудон. – Она тебя, выходит, заметила?

– Не думайте обо мне плохо, босс, у меня жена и ребенок. Нет, не думаю, что она меня заметила, я был осторожен. Просто мне показалось, что леди снилось что-то чертовски неприятное... Ночной кошмар, босс.

– Ночной кошмар...

Да, после того, что он там видел, удивительно, как ночные кошмары не начались у него, на хрен.

– Значит, так. Я сейчас скину вам координаты одной точки. Это точка, куда уехал фургон, тот самый, который мы вчера видели. В этой точке, если верить карте, нет сотовой связи, мне это не нравится. Я намерен прогуляться и прояснить, что там происходит. Мотоцикл у дороги, я его спрятал примерно в том месте, откуда подам сигнал. От него я пойду на северо-восток, собираюсь пройти примерно двадцать миль. На это я затратчу ровно один день. Если я не подам сигнал завтра в то же время – начинайте беспокоиться.

– О'кей, босс. А нам что делать?

– Пока сидите на месте и не дергайтесь. Только если леди куда-то соберется, двигайте за ней, только осторожно. Ясно?

– Как белый день, босс. А если тут начнут крутиться какие-нибудь козлы?

– Действуйте по ситуации. Если они будут представлять опасность – можете пугнуть их. Постарайтесь ни во что не влипнуть, только из итальянской каталажки не хватало вас вызволять.

– Ясно, босс. Удачи.

Из своего походного набора лейтенант, граф Сноудон, достал фляжку и плитку шоколада. Во фляжке был не виски, а коньяк, поскольку по линии матери предки графа Сноудона были французами, а по линии отца – морскими офицерами, а не пехотным быдлом. Отхлебнув коньяка, он спрятал фляжку обратно – граммов пятьдесят коньяка не только не опьяняли, но и тонизировали организм. Потом он съел плитку шоколада – настоящего, не такого, который продают в магазинах, горького – такой шоколад не нужен никому, кроме ценителей. Граф покупал шоколад для себя в Найстбридже, где работал один из самых известных магазинов шоколада в Европе, или в лавке «Виктория» на Элизабет-стрит, которая являлась поставщиком Двора Ее (теперь, получается, уже Его) Величества в Лондоне. В этом шоколаде содержалось девяносто пять процентов какао-бобов, и, несмотря на то, что его невозможно было есть не морщась – именно такой шоколад мог дать силы для долгого и трудного пути.

Затем граф вызвал Google Maps и изучил окрестности, а также наметил маршрут, по которому собирался идти. Местность здесь была холмистая, холмы, как он понял, меловые, сильно похожие на британские. Перелески, поля, эти самые холмы. Здесь, вероятно, пасутся коровы и есть какое-то фермерство. Единственно, что его заинтересовало, – большое старинное здание, на котором дорога обрывалась. Он вызвал рисунок в максимальном разрешении и понял, что здание обитаемо: когда это было снято, объектив расположенного на орбите спутника заснял человека во дворе, стадо коров неподалеку, небольшой трактор на поле. Граф заключил, что это монастырь или даже небольшая сельская коммуна... Скорее первое, потому что сельская коммуна, наверное, посадила бы здесь виноградники. Все это не выглядело опасным, и граф не обратил бы на это внимания, если бы не одно «но» – дорога здесь и обрывалась,

а больше ничего жилого в округе не было. То есть если фургон куда-то и ехал, то именно сюда, больше некуда. И граф собирался выяснить, что это за монастырь.

Напоследок лейтенант скачал из сети электронный выпуск «Il popolo di Italia», на который приобрел месячный абонемент, а потом пробежался по новостным сайтам. Ни в газете, ни на электронных сайтах – ни слова ни о массовом убийстве, ни хотя бы об исчезновении людей. Конечно, массовое убийство произошло в заброшенном людьми месте, а не на улице; возможно, тела еще просто не нашли. Но родственники уже должны были обратиться в полицию... Пусть пока одно-два обращения, ведь, судя по маркам машин у заброшенной церкви, там собрались далеко не самые бедные члены римского бомонда. К тому же... там был пожар, неужели и это не заметили. Если о произошедшем ничего не писали – значит... Значит, дело дрянное.

Встав со своего места, граф попрыгал. Мотоциклетные боты – совсем не то, что нужно для пешего дальнего путешествия, он предпочел бы легкие кроссовки, но ничего другого у него не было. Плащ был защитного цвета, он свернул его и приторочил на спине вместе с курткой – в куртке днем было слишком жарко. С сожалением посмотрел на тратторию, виднеющуюся ниже по дороге – можно было бы сходить и набрать или купить воды... Но по здравому размышлению он решил этого не делать. Граф Сноудон рос в тихом месте Уэльса, в фамильном замке, они знали всех крестьян из окрестных деревень по именам, а они знали его. В таких местах все знают друг друга и держатся вместе, сплоченной маленькой общиной. И если бы кто-то чужой пришел в паб «Берри», который держал Берри Хилл, старый толстяк, потерявший глаз на королевской службе, – и даже не задал бы ни единого вопроса, а просто пришел – об этом в течение дня узнала бы вся округа.

Решив, что воды можно будет набрать и где-нибудь по дороге – не пустыня все-таки, – граф бодрым шагом направился на северо-восток.

Лейтенант, граф Сноудон шел шагом опытного походника, небыстрым, но размеренным и экономящим силы в долгой дороге. Этому шагу его научил скаут-мастер, мистер Гримсли, который служил в армии Его Величества в Афганистане, а потом стал мастер-скаутом валлийского отряда «волчат». Он учил их и многому другому – как выжить в лесу, найти пропитание, как выйти к людям, как не сдаваться, даже когда хочется просто лечь на землю и умереть. Именно это позволило молодому графу Сноудону выдержать отбор в Королевскую морскую пехоту, а потом чудовищный отборочный курс САС. Курс этот проходил в течение трех месяцев, в процессе которого инструкторы издевались над ними, как могли, а венчал все это марш-бросок через Брекон-Биконс, холмы на стыке Англии и Уэльса, испытанный временем полигон САС, где во время марш-бросков умирали люди. Граф помнил все это как сейчас. Была поздняя осень, мокрый снег то начинал валить с хмурого, низкого неба, то переставал, оставляя на холмах раскисшую грязь. Их выстроили на старте, и инструктор, парень с роскошными бакенбардами, сказал: ребята, лучше вам отказаться прямо сейчас, потому что погода реально хреновая и никому из офицеров не улыбается вместо вечерка в «Русалке» с кружкой пива носиться здесь как сайгакам и искать дохлых ублюдков, которые возомнили, что достойны служить в лучшем полку в мире. Он сказал, что они все равно не примут никого в полк, мест нет, отбор производится только потому, что он должен регулярно проводиться – так какого черта рвать задницу? Этого парня звали Том Грейсон, звание у него было капитан, и он был не самым худшим из инструкторов: по крайней мере, он дал им добрый совет. Тем, кто этим советом не воспользовался, выдали пехотную винтовку, восемь магазинов с холостыми патронами, малый набор выживания, рацию для связи с вертолетом, маяк и рюкзак с тридцатью килограммами камней, выкрашенных в зеленый цвет – чтобы ни у кого не было соблазна поменять эти камни. И отправили в поход, из которого возвращались не все. Все они понимали,

что погода нелетная, вертолета никакого не будет и тот, кто не выдержит – просто умрет в грязи под этим серым небом...

Граф хорошо помнил, что говорил мистер Гримсли – жизнь на самом деле очень проста, ребята. Все, чего хочет от нас Господь, – чтобы мы шли по ней, ставили одну ногу перед другой раз за разом, раз за разом, пока не придет время предстать перед ним, отчитаться в сделанном. И когда вы подумаете, что такое время пришло, подумайте, ребята, достаточно ли вы сделали добра, чтобы предстать перед Ним и посмотреть Ему в глаза. А если нет – то просто переставляйте ноги дальше. Вот и граф – просто переставлял ноги на раскисшей земле под снегом, временами переходящим в промозглый дождь, и думал о том, что он слишком мало хорошего сделал в жизни, чтобы вот тут подохнуть как собака и предстать перед Господом.

Он не знал, выдерживает ли он время – на марш-бросок отводилось семнадцать часов. Просто в один прекрасный момент он увидел ждущий в ложбине грузовик, а в кузове был капитан Грейсон. Он не знал, что инструкторы заготовили ему подлянку: он был из морской пехоты, а в САС таких не любили. Инструктор помахал ему рукой и показал большой палец, а когда он, полумертвый от усталости, почти уцепился за кузов грузовика, капитан постучал по кабине и грузовик поехал вперед – чтобы остановиться ровно через десять миль. А лейтенант какое-то время лежал в грязи и думал, как прекрасна жизнь, а потом поднялся, как смог почистил винтовку и тронулся дальше. Именно чистая винтовка произвела на инструкторов большое впечатление. Тогда до финиша за отведенное время добрались семь человек, но приняли в полк его одного.

С тех пор граф Сноудон никогда не пасовал перед трудностями. Тот, кто выдержал марш-бросок к горе Пен-и-Ванн, главной достопримечательности тех валлийских мест, тот выдержит все, что угодно.

Уже к десяти часам дня идти было почти невозможно из-за жары, а часам к одиннадцати граф понял, почему в южных странах принят длительный перерыв в середине дня на сон, а на Востоке принято работать с шести до часа дня без перерыва на обед. Только во время сна можно было как-то смириться с этой ужасающей жарой, которая здесь к тому же была и влажной. Мотоциклетные штаны из плотного искусственного материала, может, и защищали при падении, но сейчас превратились в сухую душегубку. Граф вспомнил дежурства во время охраны Букингемского дворца: при обострении оперативной обстановки сасовцы незаметно подменяли солдат полка герцога Йоркского и других гвардейских частей, охраняющих дворец. Согласно протоколу, стоять на постах полагалось в полной форме; летом в шинели – было сплошное мучение. Некоторые солдаты нарушали правила, надевая вместо кителя легкую футболку... И как-то раз Ее Величество захотела узнать мнение одного из молодых солдат о какой-то рок-группе... Ее Величество была современным человеком и живо интересовалась всякими новшествами. Солдат держал фалды форменной шинели изо всех сил, но когда сел, все же не удержал, и взору Ее Величества предстала желтая майка с мультипликационным героем Микки-Маусом. Ее Величество восприняла досадный инцидент с юмором, но вот полковнику полка Шотландских горцев было совсем не смешно, и бедняга, сменившись с наряда, получил десять суток гауптвахты. Сейчас граф Сноудон сильно понимал того офицера, он не зря снял куртку, но вот эти проклятые штаны...

Тем не менее граф Сноудон продолжал идти, уже почти не обливаясь потом – воды в организме не хватало, солнце вытопило чертову воду. Он старался делать неглубокие выдохи – при выдохе тоже теряется вода – и идти в тени деревьев, не выходя на открытое солнце.

Потом он увидел протоптанную тропинку и поспешил по ней, надеясь на чудо. И Господь явил ему чудо – в виде заботливо оборудованного родника с большим черпаком, выложенным камнем ложем родника и крестом высотой не меньше семи футов над тем местом, откуда извергалась вода. Получается, вода была еще и освященной.

Лейтенант напился, достал упаковку презервативов и использовал два из них, чтобы набрать воды про запас. Повеселевший, он тронулся дальше – теперь он сможет идти не меньше суток, даже если не найдет еще воду.

Эти места поражали лейтенанта своей безлюдностью. В Уэльсе тоже не так уж много людей... Было много во времена промышленной революции, было много, когда работали шахты, выдавая на-гора самый качественный в мире уголь – кардифф, а теперь он сам со сверстниками играл в заброшенном шахтерском поселке и как-то раз чуть не свалился в шахту. Но тут... такое ощущение, что попал на землю в самые первые часы после мироздания. Ослепительное палящее солнце, рощи, перелески, меловые холмы – и ни следа человека. Только дорога – он держал ее в виду, по ней еще не проехала ни одна машина.

Потом он услышал шум трактора и решил, что поторопился с выводами.

Трактор он обошел – судя по тому, что он увидел, кто-то заготавливал сено – и решил, что надо быть осторожнее. Большое количество выпитой воды дало о себе знать – вода вышла из него вместе с потом, образовав соляную корку; в местах, где ткань постоянно соприкасалась с кожей, уже образовались потертости, которые вот-вот грозили превратиться в кровавые, вызывающие мучительную боль из-за содранной кожи и высыпающей соли раны. Граф укорил себя за поспешность – он был из отряда военных альпинистов, не знал многого про пустыню, но то, что так поспешно и много пить после обезвоживания нельзя – знал. Решившись на отчаянный шаг, он сбросил рубашку совсем и, голый по пояс, со свернутой за спиной одеждой двинулся далее.

К зданию, которым заканчивалась дорога, он вышел ближе к закату...

Здание это с первого взгляда не оставляло сомнений в том, что оно обжито и используется людьми. Двери были закрыты, но прямо у дверей стоял трактор, а над трубой, которую видел граф, поднимался дымок. Это здание не было похоже на коммуны, он подумал, почему решил – нет детей. Где сельскохозяйственная коммуна – там всегда играют дети, и там, где живут простые люди, – тоже играют дети. Дети – неотъемлемая часть любого человеческого общества, их не удержать в четырех стенах, они обязательно выбегут наружу, чтобы жадно познавать открывающийся перед ними мир. И если детей нет – значит, это либо монастырь, либо что-то похуже.

За время, прошедшее до заката, граф видел послушников в черном, загоняющих скот внутрь стен, – ровно семь толстых, упитанных коров с телятами. Он видел проехавший трактор, везущий на небольшой тележке какие-то орудия, и видел еще пару десятков людей в черных (как они выживают в такую жару?) сутанах, откуда-то возвращающихся и заходящих в здание. Он не увидел ни одной женщины, ни одного ребенка, только людей в черных сутанах – это был монастырь. Все становилось на свои места, в том числе и то, почему тут нет сигнала сотовой связи – монахи могли попросить сотовую компанию ничего здесь не устанавливать, монахам не нужен сотовый. И все-таки его что-то беспокоило. Безлюдность, что ли?

Он посмотрел на экран своего мобильного коммуникатора – его он в последнее время использовал как фотоаппарат. Сигнала не было, из трех палочек, показывающих уровень сигнала, не горела ни одна из них.

Не зная, что происходит с объектом слежки, он решил остаться еще на ночь. Фургон ехал сюда не просто так, иначе бы он давно покинул монастырские стены. И если фургон был здесь – в совокупности с тем, что он видел пару ночей назад, – люди в этом монастыре отнюдь не отличались миролюбием...

Устраиваясь на ночлег, он решил немного пошарить по окрестностям и нашел сад с какими-то необычными, но очень вкусными плодами. Много брать было нельзя, но он решил, что исчезновения нескольких не заметят. Плоды были вкусными, с косточкой, чем-то похожие на персик...

На ночь он устроился у самой дороги. Решив, что если услышит шум машины, то проснется. Сигнала здесь не было, а значит, коммуникатор с будильником ему ничем не мог помочь.

Утром он проснулся от шума трактора и успел отползти достаточно далеко, чтобы увидеть все остальное. Из ворот монастыря выехал тот самый фургон, водитель, скорее всего, был тот же самый. Лейтенанту удалось хорошо разглядеть фургон – судя по надписям на кузове, он принадлежал сантехнику, специалисту по трубам. Для монастыря это было совсем ни к селу ни к городу: монастырь старый, какие тут трубы? И если они здесь и есть – неужели сантехник оставался здесь на ночь? Зачем?!

Сделав как можно больше снимков, граф Сноудон повернул назад...

Обратный путь был намного быстрее, потому что он знал, где идти и чего опасаться. Насторожило его вот что: уходя от родника, он оставил метку в виде сломанной травинки на тропе. Теперь она была втоптана в пыль – это значило, что к роднику кто-то ходил, кто-то, кто, возможно, знает и о его визите и остался понаблюдать. Напившись, граф осмотрелся по сторонам, очень внимательно осмотрелся, но ничего не обнаружил и двинулся дальше.

Как только он увидел покрашенную первую полосу, он моментально набрал номер своих людей. Он откровенно опасался – человек в фургончике на его глазах убил не меньше десяти человек. Если он не опасен для их подопечной – тогда кто опасен?

И что это вообще за человек? Из банды убийц... Но разве банда убийц занимается сельским хозяйством?

– Как дела, парни? – поинтересовался лейтенант. – Не упустили пташку? Видели ее?

– Да, сэр, мы на месте. Пташка вот-вот может сорваться, но пока здесь. Тот парень приехал, на фургоне.

– Черт... он у нее в домике?

– Да, сэр. Прикажете действовать?

Лейтенант с трудом подавил наступательный порыв. Если бы он хотел ее убить, он бы уже убил ее там и бросил в огонь. Возможностей была масса.

– Отставить. Только наблюдение. Что там с Дейлом?

Дейл был четвертым бойцом патруля, он остался в Риме на хозяйстве.

– Все тихо. Никакого движения. А у вас что, босс?

– Пустышка.

– Понятно...

– Все, до связи...

На прежнем месте он хотел было идти напрямую к мотоциклу, но что-то заставило графа броситься на землю и застыть. Он лежал так с полчаса, прежде чем понял, что происходит.

За выездом на трассу следили. Он был в этом уверен.

Используя режим зума и видеоискатель в коммуникаторе, графу удалось рассмотреть, что следят из небольшой «Альфа-Ромео», причем, судя по обвесу, – модификация «Quadrifoglio», четырехлистник – так называются модификации с полным приводом, причем очень хорошим, раллийным полным приводом. Он сфотографировал машину вместе с номером и переслал фотографию Рику, судя по звукам, опять подкреплявшемуся. Он скинет ее в римскую квартиру, а Дейл постарается что-то узнать, тем более что у них есть незаконным образом полученный пароль к базам данных Интерпола.

Ближе к вечеру он понял, что машина стоит здесь не просто так и что ему противостоит (пока не противостоит, но мало ли) грамотный противник. Во-первых, этот человек каждый час переставлял машину, но так, чтобы видеть съезд с дороги. Во-вторых, перед закатом он вышел размяться, и граф увидел его самого. Старше его... лет на десять, не меньше, но это ничего не значит. Скорее наоборот... В САС разрешалось служить в боевых подразделениях

до сорока лет, а обычно солдаты служили где-то с тридцати до сорока; с выслугой год за два и год за три в зоне боев очень неплохо получалось. И потому граф, которому в этом году должно было исполниться тридцать, знал, насколько опасны солдаты в этом возрасте: пусть они не такие безбашенные, как молодежь, но они на пике своей формы, вдобавок к чисто физическим показателям прибавляется осторожность, опыт, расчетливость. Такие люди в большинстве своем прошли боевые действия, многие не раз, получили реальный опыт, какой не получишь никак иначе. Человеку, которого он видел, было что-то около сорока, но по тому, как он двигался, когда выполнял простейшие упражнения, разминая затекшие мышцы, граф понял, что этот человек все еще опасен. Средних лет, рост в районе шести футов, ничем не примечательное лицо, очень короткая стрижка, почти наголо – так стригутся военные. Если у него еще есть оружие... У него самого-то оружия нет.

Граф сделал несколько снимков и переслал их по тому же самому пути – чтобы попытаться опознать этого человека. У них была связь с Лондоном – неблизкая, кружным, можно сказать, путем, но была.

Всю ночь граф спал вполглаза, опасаясь неприятностей. К мотоциклу он так и не подобрался – счел, что немедленно будет обнаружен. На всякий случай граф подобрал палку, несколько камней и с помощью веревки, несколько футов которой были всегда с ним, сделал пращу. Опасное в умелых руках оружие – в своем, графском лесу он даже сбивал фазанов камнем, подкрадываясь к ним на близкое расстояние...

Утром граф проснулся как раз вовремя для того, чтобы увидеть, что произойдет. Снова проехал этот проклятый фургон и следом за ним пошла эта самая «Альфа». Граф смотрел на происходящее через тактический прицел – магнифайер, снятый с винтовки. К его удивлению, человек в «Альфе» даже не пытался следить за фургоном, он просто обогнал его и начал сигналить. То есть они знали друг друга! – это на корню разрушило теорию графа о том, что неизвестный может быть полицейским.

На пределе видимости – все-таки магнифайер с трехкратным увеличением совсем не то, что бинокль или подзорная труба – граф Сноудон наблюдал, как машины, и «Альфа» и фургон, свернули с дороги там, где была придорожная трагатория, та самая, в которую и он хотел зайти за водой. Он увидел, как эти двое вышли и обнялись... получается, они старые друзья и давно знают друг друга. Какое-то время – недолго – они были в трагатории, наверное, перекусили, а потом вышли и сели в машину, в тот самый фургон. Поехали назад – и свернули с дороги на том самом съезде. В сторону монастыря!

Граф Сноудон сделал еще несколько снимков. Когда фургон растаял за поворотом, он сорвался с места и побежал к тому месту, где оставил свой мотоцикл.

Мотоцикл был на месте, ровно там, где он его и оставил. Граф выкатил его на дорогу, оседлал – мотоцикл завелся с полоборота. Сейчас он был готов убить за несколько минут душа.

Но перед душем надо было кое-что сделать...

Мотоцикл граф остановил на стоянке. Неспешно пошел в сторону трагатории. Рядом с «Альфой» незнакомца споткнулся, и за то время, пока поднимался, успел установить на машине небольшой маяк-передатчик. Отряхнулся, пару раз помянул Деву Марию, с независимым видом вошел в трагаторию.

– Скузи...

– Си, синьор. – Владелец трагатории, пожилой итальянец в фартуке обратил внимание на клиента.

– У вас свежий лимонад?

– Конечно свежий, синьор, у нас самый лучший лимонад, какой только может быть. У моего тестя большие сады совсем недалеко отсюда...

Граф положил на стол бумажку в тысячу лир. Чертова инфляция...

– Хорошо, тогда самый большой бокал лимонада, какой вам удастся сделать. И пищу, скажем... с грибами. Мне еще надо добраться до Рима.

– Путешествуете, синьор?

– Да, на мотоцикле. Решил проехать по всей Африке тоже...

– Опасное дело, синьор...

Граф Сноудон подмигнул:

– Мы не выбираем простых путей...

– Слава Богу!

Именно этими словами встретил нас аббат Марк в своей келье. Православные христиане никогда не благодарили друг друга. Они всегда благодарили только Бога. В этом православие было схоже с исламом, только в православии не было и следа той ненависти, которая отличает радикальный ислам. Хотя... раскололи же когда-то и веру, и страну, лучших – изгнали¹²...

– Слава Богу, – подтвердил я, – что вижу вас в добром здравии.

– Увы... сын мой, не совсем в добром. Но Господь даст, проживем еще. Не даст – так и помирать не страшно.

Аббат Марк, бывший русский разведчик, учреждавший со мной резидентуру в Персии, сразу после подавления мятежа размашисто перекрестился, и я последовал его примеру. Послушник Тихон, который здесь брат Витторио, – тоже.

– Сыт ли ты, сын мой?

– Об этом потом. Я по делам...

Аббат посмотрел на послушника:

– Разве ты не накормил гостя, постучавшегося в нашу дверь?

На самом деле я был не против поесть нормальной горячей пищи, ибо не ел ее уже несколько дней. Но сначала – про дела.

– Благодарю вас, отче, но телесное ничто перед духовным...

– Так ты вернулся на эту землю для того, чтобы впустить благодать в душу свою?

– Нет, отче. Для того чтобы убить генерала Абубакара Тимура. Он где-то здесь, я это точно знаю.

Аббат с печальным видом кивнул.

– Я понимаю, что это совсем не по-христиански, но...

– Это по-христиански, сын мой... – перебил меня аббат, – ибо «не убий» не значит «не защити». Если ты делаешь то, что ты делаешь ради защиты своей страны и людей, живущих в мире с Господом, в этом нет греха.

– Оригинальная трактовка, отче...

– Какая есть... – Аббат еще раз перекрестился, словно призывая Господа в свидетели словам своим. – Церковь, сын мой, должна не только служить Господу, но и служением своим отвращать время Страшного суда. Мы пастыри и должны духовно окормлять пасомых нами, наставляя их на путь истины, путь, ведущий ко Христу. Как можно пройти его, если идет война, если на твою землю и твой народ напали? Несколько сот лет назад, когда решалось – быть или не быть Руси, чернец Пересвет вместе с людьми божьими вышел на Куликово поле и сразился с татарами. Можем ли мы уклониться от битвы? Можем ли мы осквернить свои уста благодатной ложью и завести народ, пасомый нами, в гнилое болото? Нет, не можем. И мы говорим: не убий – не значит не защити. Только знай, что в деяниях твоих и в том, что в сердце твоём, ты дашь ответ перед Богом...

Я положил на стол сотовый.

– Это я нашел в машине. Желаете посмотреть, что здесь записано?

¹² Напоминаю, что в этом мире в тридцатых годах окончательно победило старообрядческое православие.

Аббат кивнул. Я поставил на запись.

Смотрели – в мертвой тишине. Картинки я поставил на автоперемотку...

– У Витторио добрая душа... – сказал аббат, когда все закончилось.

– Что, по-вашему, он должен был сделать? Убить свидетеля? – поинтересовался я.

– Нет, выкинуть мобильник... – сказал аббат, – вместо того, чтобы возить его, надеясь вернуть. Но, видно, на то Божья воля...

– Скорее это воля кое-кого с рогами, отче...

– Не поминай... – махнул рукой аббат Марк.

– Я интересуюсь этим потому, отче, что я знаю эту женщину. Именно она лично видела генерала Абубакара Тимура меньше месяца назад, в Каире. Причем прилетел он туда рейсом из Италии. У меня есть серьезные основания полагать, что здесь, в итальянском коро... теперь уже республике, кто-то дает генералу приют, и именно поэтому мы не можем найти его. Мы ищем его в мусульманских странах среди мусульман, но никто и никогда не искал его среди христиан, в странах, где почитают Христа. Это первое. Второе – у меня есть серьезные основания полагать, что в Италию – возможно, что и в Ватикан – были вывезены деньги, являющиеся частью польской казны, а кроме того – и деньги, принадлежащие шахиншаху Мохаммеду Хосейни. Это десятки миллиардов золотых рублей, и они принадлежат точно не генералу Тимуру. Третье. Я не знаю, как объяснить эти снимки, но их сделала женщина, которая теперь уже точно влипла в эту историю по уши. Поэтому, если она у вас, я прошу разрешения хотя бы поговорить с ней, чтобы прояснить этот вопрос. Кто ее послал сюда, зачем, с какой целью.

– Так тебе нужны деньги, женщина или Тимур?

– Прежде всего Тимур, – сказал я, – деньги можно заработать, но тех, кто убит, – уже не вернешь. Но и эти деньги имеют для меня большое значение, и не потому, что я зачарован блеском золота, так сказать. Если я прав, то генерал Тимур имеет доступ к этим деньгам, возможно полный, скорее всего ограниченный, и использует их для финансирования террора и дестабилизации обстановки в Афганистане, северных провинциях Индии, в других местах. Только проценты с основного капитала дадут ему возможность бесконечно финансировать терроризм. Пока мы не выявим и не остановим этот денежный поток, террор будет продолжаться, ситуация в Афганистане уже нетерпимая. Что же касается женщины – она увязла в этом очень глубоко и каким-то образом, пусть не прямо, имеет отношение к этому делу. Я должен узнать, какое именно. Кроме того, я просто хочу уберечь ее от большой беды. Она из тех, кто идет по узкому мосту над пропастью с закрытыми глазами и просто не видит, что внизу – пропасть. Это нельзя назвать смелостью – это безрассудство.

– То есть ты полагаешь, что Ватикан мог наложить руки на деньги шахиншаха и Польши? – переспросил аббат.

– Да, отче.

– Расскажи подробнее.

– Это только предположения – в основном.

– Расскажи... и с Божьей помощью мы попытаемся разобраться с этим.

С Божьей помощью...

Я думал об этом долго... Очень долго. По моим прикидкам получалось примерно так: Луна ди Марентини, прибыв в Персию, стала личным confidentом шахиншаха. Ее никто не воспринимал всерьез: на Востоке не принимают всерьез женщин, а падших женщин – не воспринимают всерьез вдвойне. В то же время – она была умна, она получила хорошее образование в Италии, она была дворянкой (на Востоке это ценят больше, чем у нас), и никто не говорил, что она была падшей. Да, она содержала бордель... но это не значит, что она продавалась там сама. Вероятно, она была верна шахиншаху, которому, конечно же, льстила любовь умной, образованной, красивой европейской женщины. Наверняка она ему и информацию подбрасывала, ведь в борделях, а в ее бордель ходили старшие офицеры и высшие чиновники, мужчины

не держат язык за зубами. И, наконец, она помогла шахиншаху выстроить схему перевода денег в Италию, точнее – в Ватикан. Как? А очень просто. Через своего родственника, скорее всего близкого родственника – Пьетро Антонио Салези ди Марентини, викарного кардинала Римской епархии. Я навел справки – викарный кардинал значит примерно «освобожденный кардинал», то есть кардинал, не имеющий какой-то своей территории и занимающийся какими-то делами, не дающими ему свободного времени, чтобы полноценно служить Богу. Учитывая тот факт, что он служил в Риме, он наверняка был кем-то вроде администратора и занимался в том числе делами банка Ватикана, был при нем то ли председателем Совета директоров, то ли председателем Наблюдательного совета. А это значило, что он имел возможность принимать, отмывать и размещать огромные суммы. И при полной анонимности, ибо Ватикан считается государством и на любые вопросы может просто не отвечать.

Вполне может быть и то, что кардинал Пьетро Антонио Салези ди Марентини возглавлял ватиканскую разведку. Которая существует и представляет собой серьезную опасность, даже если кому-то не хочется в это верить.

Примерно то же самое произошло и с польской казной. Все это усугублялось тем, что на тот момент папой был бывший краковский архиепископ Кароль. Он мог принять деньги просто потому, что надеялся за счет их в нужный момент раздуть пламя нового рокоша. Тогдашний папа в первые же годы после своего избрания стал свидетелем самого страшного рокоша за последние сто пятьдесят лет, который буквально залил кровью всю Польшу – и не может быть, чтобы он не хотел это повторить.

Генерал Абубакар Тимур какое-то время был начальником службы безопасности Персии, САВАК. Более того – он был последним начальником этой службы, и в этом качестве он был еще и личным конфидентом Его Светлейшего Величества. Я предполагаю, что до мятежа в Персии он достоверно узнал и о делах Луны, и о том, от кого может происходить Люнетта, дочь Луны, которую я нашел в Тегеране после мятежа. Когда был жив Светлейший, он вряд ли бы рискнул, за это его могли просто растворить в кислоте. Но вот когда Светлейшего разорвало на куски танковым снарядом...

Вероятно, он прибыл в Рим, нашел контакт с кем-то из Ватикана и начал шантажировать их. Самым банальным образом – с одной стороны, угрожая террором, с другой стороны, обещая дать информацию в прессу, сообщить кому следует и так далее. На эти деньги могла претендовать Россия как правопреемница Персии, их могла конфисковать Италия. В итоге генерал Тимур и наверняка тот же кардинал Марентини пришли к соглашению: банк Ватикана пользуется деньгами (востребовать-то некому, они об этом знают, по сути, всю сумму на прибыль можно списывать), а взамен отстегивает генералу некую сумму. На террор против России – в Ватикане Россию ненавидят не меньше, хотя бы из-за православия и из-за того, что рыцари с одного крестового похода не вернулись. И еще – Ватикан предоставляет генералу логово. Самое надежное и удобное. Такое, какое я и предполагал – крупный город-миллионник, со всеми современными средствами коммуникаций, со значительным количеством сдающегося жилья, позволяющего постоянно перемещаться, с хорошо развитыми транспортными коммуникациями, позволяющими при необходимости быстро и незаметно покинуть город. Так происходило несколько лет, пока генералу (видимо, обнаглевшему от безнаказанности) не довелось напороться в аэропорту на журналистку, которая до этого работала в Персии и которая не поленилась полететь следом, а потом и сообщить.

Был в этой истории и еще один банк. Банка ди Рома. По моим прикидкам, в этой схеме он был нужен для того, чтобы снизить риск разоблачения банка Ватикана. Все же банк Ватикана – не розничный банк, это скорее банк кэптивный, причем с ограниченным кругом операций. Он не имеет большой филиальной сети, не может, скажем, выдавать ипотечные кредиты населению. Нужен был еще один банк, именно розничный банк, с широкой филиальной сетью, зарубежными отделениями, полной банковской лицензией. Такой как Банка ди Рома, кото-

рый к тому же раньше был филиалом банка Ватикана, папским банком. Двухходовка – банк Ватикана финансирует Банка ди Рома, увеличивает его собственный капитал, а Банка ди Рома на эти деньги проводит классические банковские операции и вводит их в оборот. Если будут задавать вопросы, Банка ди Рома покажет поступления от банка Ватикана (в конце концов, оба входят в Католическую банковскую федерацию), а банк Ватикана откажется отвечать на вопросы, сославшись на суверенитет Ватикана. И все. Но был один момент – нужно было обеспечить управляемость Банка ди Рома. Любой ценой. Тогда в Милане похитили сына барона Карло Полетти, давнего врага Луны ди Марентини, по сути, и изгнавшего ее из Италии. Таким образом, она и расквиталась со своим давним врагом и обидчиком и сделала дело – то самое, нужное шахиншаху. Теперь барон был под двойным прессом. С одной стороны – пресса называла его гениальным финансистом, хотя он всего лишь пристраивал деньги шахиншаха (потом и поляков) – и он не мог остановить этот поток, иначе бы его слава гениального финансиста быстро накрылась. С другой стороны – где-то держали в заложниках его сына, наверняка где-то в Персии. Сейчас скорее всего он оказался в руках генерала Тимура. Это еще один козырь для торговли с Ватиканом.

Где-то в этой истории было место и для британской разведки. Сэр Джеффри Ровен, который тогда ее возглавлял, был католиком (для Великобритании немислимое дело), и когда на время удалился от дел – стал священником в тихой скромной церквушке на Сицилии. Священниками просто так не становятся, видимо, он имел контакт с Ватиканом на самом высоком уровне. Впрочем, британская разведка имела такие контакты и до сэра Джеффри, это несомненно. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с доигрыванием великой шахматной партии, начавшейся в середине семидесятых и закончившейся в восьмидесят втором – восьмидесят третьем годах. Британия тогда выиграла вчистую. Им удалось на ровном месте вернуть политику САСШ на сто восемьдесят градусов – при том, что несколько лет назад САСШ и Россия вместе воевали с Японской империей. Им удалось не допустить создания Великой Италии, прорыва Италии в Латинскую Америку: страна, пережившая двадцатилетний экономический бум, свалилась в коммунистическую революцию. Им удалось смешать все карты немцам в Аргентине, не допустить превращения Аргентины в сверхдержаву с помощью немцев, отстоять Фолкленды, где потом обнаружили запасы нефти на шельфе. Им удалось взорвать Польшу – именно взорвать, такого страшного мятежа не было полтора столетия, и в результате соединения русского флота не смогли прийти на помощь германцам в южной части Атлантического океана. Полоса везения Британии прервалась только в девяносто втором – с краха бейрутского мятежа, который должен был стать стартом передела сфер влияния на Ближнем Востоке. Все это в немалой степени было сделано с помощью Римской католической церкви: один папа умер через месяц после интронизации, другой был русофобом, он не смог предотвратить ни коммунистический мятеж в Италии, ни рокош в Польше, католики духовно окормляли коммунистических террористов в Латинской Америке, были даже планы создания католического коммунизма. Британская разведка специализировалась на создании проблем с революционерами и сепаратистами для геополитических врагов Британии. Так, на Кавказе они то хотели создать Великую Черкесию, то пестовали учение мюридизма, предшествующее всем учениям, относящимся к категории радикального ислама. Связка антироссийских сил в Ватикане и лондонских русофобов на этом фоне более чем логична, она предопределена историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.